

16+

Сергей Катканов

На пути в Дамаск

Опыт строительства
православного мировоззрения

Сергей Катканов

**На пути в Дамаск.
Опыт строительства
православного мировоззрения**

«Автор»

2016

Катканов С. Ю.

На пути в Дамаск. Опыт строительства православного мировоззрения / С. Ю. Катканов — «Автор», 2016

Наука доказала, что Бог есть. Автор, во всяком случае, в этом уверен. Но, когда человек приходит в Церковь, вопросы не исчезают, напротив, появляются всё новые и новые. Почему Бог не уничтожит зло? Почему в Ветхом Завете столько жестокости? Можно ли быть хорошим человеком без Бога? На эти и многие другие вечные вопросы у автора есть внятные и логически обоснованные ответы. Мы привыкли к тому, что в роли "толкователей истины" выступают священнослужители, но вот перед вами заметки мирянина, который думает своей головой. Автор никого не пытается учить, он просто ищет ответы и делится результатами. Оказывается, верующий - это вовсе не такой человек, которые доверяет, не проверяя.

Сергей Катканов

На пути в Дамаск. Опыт строительства православного мировоззрения

Вместо предисловия

В "Деяниях апостолов" есть сюжет, который неотступно стоит у меня в душе. Помните, как Савл "дышал угрозами и убийством на учеников Господа"? Этот искренний, но наивный гонитель Истины пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск, чтобы там преследовать христиан. И вот он уже мнет свои башмаки на страшном пути. Он, наверное, сжимает зубы, в его светлой душе стоит черное облако.

Савл вполне заслужил кару Господню. Что же он получил? Свет. Когда уже приближался к Дамаску, "внезапно осиял его свет с неба". Савл упал на землю. Он отнюдь еще не преклонил колен, он просто был потрясен. И тогда раздался голос: "Савл, Савл, что ты гонишь Меня?" "Кто ты, Господи?" – спросил пораженный и услышал: "Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна".

Эти слова год за годом звучат во мне, не умолкая: "Трудно тебе идти против рожна". Голос Господа удивителен. Он и строгий, и суровый даже, но вместе с тем бесконечно милосердный и, как ни странно, немного ироничный. В нем звучит отцовская снисходительность по отношению к неразумному чаду. А ведь это чадо шалило совсем не по-детски.

Страшно вспомнить как мы, наивные безбожники, смеялись над христианством. Это был очень горький смех саморазрушения. Мы шли в Дамаск – гордые, самоуверенные, все на свете понимающие, дышавшие смертью. А самое поразительное в том, что мы вполне были готовы встретить Господа на пути. И Савл был готов. И для него это было вполне ожидаемой неожиданностью.

Савл ослеп. Пришел в Дамаск. Стал Павлом и прозрел. А мы? Мы даже не знаем, на каком этапе своего "пути в Дамаск" находимся. В каком состоянии, через какие потрясения мы доберемся до города нашей мечты и доберемся ли вообще? Мы еще не только не прозрели, но, может быть, и ослепнуть не успели по-настоящему. Нам ли обращаться к людям, как делал это апостол? Но не молчать же всю дорогу. Мы, конечно, не поводыри. Мы всего лишь попутчики. Ведь столько людей идет в Дамаск...

Часть I. От атеизма до православия

Костыли для инвалидов

Мне давно известно, что вера – это дар Божий, но лишь недавно я понял, что это значит. Ни один человек не может привести другого человека к вере, это может сделать только Сам Бог.

У меня было несколько друзей атеистов, которых я годами донимал доказательствами того, что истина – в православии. И ни одного из них я ни в чем не смог убедить, они так и оставались атеистами. Плохо доказывал? Хорошо доказывал. Во всяком случае, моя аргументация в пользу религии была очевидным образом сильнее, чем их аргументация в пользу атеизма. Ни один из моих аргументов не был разбит, но все они отскакивали, как от стенки горох. Победы в спорах не давали вообще ни каких результатов, каждый оставался при своем. И мы забросили эти бессмысленные споры, чтобы понапрасну друг друга не терзать.

Вдруг, по прошествии некоторого времени они один за другим стали сообщать мне, что тоже теперь православные. Что же случилось? Кто-нибудь убедил их в истинах веры лучше меня? Нет. Они стали свидетелями какого-нибудь чуда? Нет. В их жизни произошли какие-

нибудь трагедии и, согласно старому рецепту, мужики перекрестились, когда грянул гром? Нет. А может быть мои аргументы дошли до них, как до жирафов, на седьмые сутки? Нет. Так что же случилось? Просто Бог подарил им веру. Я со всеми своими доказательствами был тут совершенно не при чем, в их обращении не было ни грамма моей заслуги. Говорю это не из смирения, у меня его не лишка. Я просто понимаю это, как аналитик: между моей "проповедью" и приходом этих людей к вере причинно-следственная связь отсутствует.

Ну может быть, то, что я рассказывал о мире моей веры в какой-то мере и пригодилось моим друзьям, но только тогда, когда они уже имели веру, а не до того. Может быть даже в некоторой степени я сыграл роль инструмента в руках Божьих. Но молоток не может по своей воле забить гвоздь. Гвоздь оказывается забит, только если такова воля Мастера. При этом Мастер мог воспользоваться любым другим молотком или даже топором, а то и вовсе камнем. То есть, если Господь решил подарить этим людям веру, Он мог с таким же успехом обойтись и без меня.

Значит, доказательства в мире веры бессильны, бесполезны и не нужны? Некоторым людям они определенно не нужны. Логика не всесильна, иначе верующими были бы только мудрецы, а мы сплошь и рядом убеждаемся в обратном. Много раз я хотел порадовать своими доказательствами людей верующих, а мне говорили: "Это всё и так понятно". При этом не трудно было заметить, что из моих слов им не было понятно ровным счетом ни чего. Между тем, уровень их религиозной убежденности явно возвышался на моим. Им явно не чему было у меня учиться, а я при всем желании ни чему не мог научиться у них. Мне оставалось только восхищаться простотой их веры.

Однажды я стал свидетелем того, как старый атеист сказал верующей женщине: "Вы сначала докажите, что Бог есть". А она ответила, дружелюбно и спокойно улыбнувшись: "Нам ни чего не надо доказывать, мы и так знаем, что Бог есть". Как мне тогда захотелось вклиниться в их разговор: "А я между прочим, могу доказать". Но я промолчал. И правильно сделал. Старый безбожник все равно не воспринял бы ни одного из моих аргументов, а верующая женщина просто в них не нуждалась.

Значит доказательства правоты нашей веры совсем-совсем не нужны? Ответу на этот вопрос исходя из личного опыта. Или ваш покорный слуга уникальный духовный инвалид, подобных которому во всем мире больше нет ни одного, или иногда доказательства всё-таки нужны. Первое – вряд ли, а потому склоняюсь ко второму. Если мне доказательства нужны, значит возможно допустить существование людей чем-то похожих на меня, которые тоже в них нуждаются.

Доказательства ни кого не приводят к вере, то есть в этом вопросе они не смогут сыграть решающую роль. Но Бог, даруя веру, не приколачивает ее гвоздями к нашей душе. Дар Божий можно ведь и потерять, приходят разлагающие душу сомнения, и тут для некоторых людей доказательства могут стать средством укрепления веры. Не говоря уже о тех случаях, когда верующие оказываются бессильны под натиском атеистической аргументации. Не всем по силам это бессилие, иногда хочет иметь, что ответить.

Вера святых, полагаю, в доказательствах не нуждалась. Доказательства – это костыли, которые помогают духовно-немоощным людям кое-как, спотыкаясь и падая, все-таки брести к Богу. У меня в этом смысле есть свой опыт, который интересен только тем, что он реален. Есть определенная сумма доказательств, мною найденных, лично для меня вполне достаточных и убедительных. Что я делал, выстраивая свою систему доказательств правоты нашей веры? Я делал костыли. Для самого себя. Но может быть, еще кому-нибудь пригодятся?

Бог есть

Наука доказала, что Бог есть. Вы ни чего об этом не слышали? Вы не можете понять, почему о такой сенсации мирового масштаба не объявляли по радио и не писали в газетах? Да, вы правы, сенсации не было, хотя все уже давным-давно доказано. А дело в том, что многие ученые игнорируют данные объективной науки, не замечают их, ни чего не желают о них знать, продолжая оставаться атеистами. Для ученых это очень странная линия поведения. Тех, кто игнорирует неопровержимые доказательства, кажется, уже и учеными нельзя считать. А вот поди ж ты...

Один мой знакомый, человек очень умный и неплохо образованный, однажды сказал: "Мне хоть кол на голове теши, а я все равно не поверю ни во что сверхестественное". Его слова поразили меня до глубины души. Ведь здравомыслящий же человек, с ним всегда было легко обсуждать самые сложные темы, потому что он мыслил логично, хорошо воспринимал чужие аргументы и ни когда не отрицал то, что доказано. Но как только речь заходила о религии, он сам тут же заявлял, что ни какие аргументы и доказательства не будут иметь на него вообще ни какого влияния. Он оказывался полностью закрыт для здравого смысла, то есть напрочь терял весь свой разум. Потрясающий феномен, не правда ли?

Объясняется сей феномен очень просто: Бог не дал ему веры. В том, что касается религии, человек обретает возможность мыслить логично и последовательно только тогда, когда имеет веру, а до той поры проявляет все признаки странного локального скудоумия, в остальном продолжая оставаться разумным человеком. Это касается и ученых. Искренне не могу понять, каким образом человек с докторской диссертацией может быть атеистом, если для понимания того, что Бог есть, вполне достаточно школьных четверок по естественнонаучным дисциплинам.

Лично мне для обретения твердой уверенности в бытии Божиим оказалось достаточно самых общих представлений о том, как устроена живая клетка. Она устроена сверхсложно. Это миллионы многообразных компонентов, закрепленных в строгой последовательности. Если хотя бы некоторые из них поменять местами или убрать, клетки не будет. Любой непредвзятый разум поймет, что такое сверхсложное и сверхразумное сочетание невероятного количества атомов не может возникнуть случайно, само по себе. Тут возникает уже не предположение, а твердая уверенность в том, что сверхсложная и прекрасно функционирующая система может возникнуть только как результат творческого действия Сверхразума. И почему для его обозначения нас не устраивает слово "Бог"?

Любому из нас хорошо известно, что нечто строго упорядоченное само по себе ни когда не возникает, всегда являясь результатом разумного действия. Сколько времени надо подбрасывать в воздух десяток монет, чтобы они упали в виде правильной геометрической фигуры? Человеческой жизни во всяком случае для этого не хватит. А если мы захотим, чтобы тысяча монеток случайно упала на пол в виде правильной окружности? Кажется, дураку понятно, что это невозможно. А сколько миллиардов лет надо брызгать красками на холст, чтобы в конечном итоге получилась "Мадонна" Рафаэля? Такие вещи спрашивают уже только для того, чтобы посмеяться, но на самом деле это вполне корректное сравнение. Вероятность того, что из случайного сочетания красок сам по себе может возникнуть шедевр живописи, гораздо выше, чем вероятность того, что из грязи сама по себе может возникнуть живая клетка.

Между неорганической и органической материей такая огромная пропасть, которая не может быть преодолена путем случайного комбинирования атомов. Ни каких триллионов лет для этого не может быть достаточно. Теория самозарождения жизни могла возникнуть только тогда, когда наука находилась в состоянии убогом и примитивном. Несколько столетий назад человек не видел принципиальной разницы между комочками неорганической грязи и комочками органической слизи. Внешне они не так уж и отличаются, современная наука, заглянув вглубь материи, знает, что разница между ними гораздо больше, чем разница между кучей

камней и дворцом на тысячу комнат. Сколько миллиардов лет камни сами по себе должны подпрыгивать и закрепляться, чтобы получился дворец?

Заметьте, мы говорим всего лишь о простейшей живой клетке, о самых примитивных одноклеточных организмах, каких-нибудь амебах и инфузориях, которые отличаются по внутренней сложности от кусочка глины в неисчислимое количество раз. Вопрос о том, как из амеб и инфузорий могли получиться слоны и жирафы, а так же мать наша обезьяна, мы даже не затрагиваем. Хотя, конечно, тоже интересно.

Итак, утверждение, что из неорганической материи могла сама по себе возникнуть органическая – абсолютно антинаучно. Это утверждение соответствует уровню развития науки самое позднее XVIII века, а в век генетики оно звучит попросту смешотворно. Органика не может возникнуть, ее можно только создать, отсюда логически следует вывод о существовании Создателя. А так же вывод о том, что атеизм – антинаучен. Атеисты либо не знакомы с данными современной науки, либо сознательно их игнорируют в силу чисто психологических причин.

Разумеется, современная наука может предоставить и другие доказательства бытия Божия, но лично мне одного только этого доказательства оказалось вполне достаточно. В чем недостаток этого доказательства? В том, что оно – косвенное. Прямых доказательств наука нам не дает. В чем проблема?

А какие доказательства мы в данном случае согласились бы считать прямыми? Ну вот обнаружен объект, который поддается исследованию и описанию, в данном случае – Бог. Если бы ученые обнаружили Бога при помощи приборов, вступили бы с Ним в контакт, получили бы возможность Его исследовать, тогда можно было бы говорить, что у нас есть прямые доказательства бытия Божия. Таких доказательств нет. Атеисты на этом основании делают вывод, что и Бога нет. Так вот это как раз и есть антинаучный вывод.

Что такое наука и для чего она существует? Наука исследует материальный мир. Все научные методы, весь научный инструментарий существует исключительно для исследования материального мира. А Бог к материальному миру не принадлежит. Значит, средствами науки Бог не может быть ни обнаружен, ни исследован. Верующие говорят: "Бог не является объектом материального мира". Атеисты отвечают: "В материальном мире Бог не обнаружен, следовательно, Его нет". Представьте себе, что я говорю: "У меня есть кошка, но она находится не в этой квартире". А мне отвечают: "У тебя нет кошки, потому что ее нет в этой квартире". Не возникнет ли у меня ощущение, что меня просто не хотят слышать?

Вообще, атеистам свойственно создавать собственные представления о религии и с ними полемизировать. Помните, как Хрущев торжественно провозгласил, что космонавты в космосе ни какого Бога не обнаружили? А разве верующие утверждали, что Бог вращается на околоземной орбите в качестве спутника Земли? Можно, конечно, сказать, что Хрущев был хроническим идиотом, но я как раз и пытаюсь доказать, что интеллектуальный уровень любого атеизма принципиально не отличается от хрущевского.

Есть разные отрасли науки, которые исследуют разные аспекты материального мира. У каждой отрасли свои методы, которые соответствуют изучаемому аспекту. При помощи методов химии нельзя доказать ни одного закона физики. И вот представьте себе, что ученый-химик говорит: «Законы Ньютона – выдумка, поскольку данные химических исследований их не подтверждают». Мы, наверное, ответим ему: «Не берись не за свое дело и не будешь иметь таких грустных результатов». Так же и наука в целом по определению не может дать прямых доказательств относительно того, что не является объектом ее исследования. Было бы очень нелепо утверждать: "Мы исследуем материальный мир, поэтому ни какого иного мира не существует". Это все равно, что сказать: "Я изучаю историю Франции, поэтому Британия – выдумка".

Итак, некорректно утверждать: "Наука не обнаружила прямых подтверждений существования Бога". Корректное утверждение: "Наука в силу своей специфики не может дать прямых

данных по этому вопросу". Но поскольку материальный и духовный миры являются смежными, наука может предоставить косвенные данные о бытии Божиим.

Ценность косвенных доказательств нельзя недооценивать. Большое количество научных теорий, разделяемых большинством ученых строится на косвенных данных и эмпирически не подтверждено. Можно подумать, эйнштейновский "парадокс близнецов" подтвержден на практике. Кто, интересно, пожимал руку этим близнецам? И тем не менее, ученые считают: "Эйнштейн доказал". А в этом смысле доказательств существования Бога еще куда больше. Самому Эйнштейну, человеку верующему, их во всяком случае оказалось достаточно.

Представьте себе, что идете вы с другом по лесу и вдруг видите, что на пеньке стоит компьютер, да еще и работает, даже к Интернету подключен.

– Кто, интересно, его сюда принес? – любопытствуете вы.

– А может быть ни кто не принес, – парирует друг. – Следов вокруг не видно, людей мы по дороге не встречали. Если на нем нет отпечатков пальцев, мы не можем утверждать, что этот компьютер принес сюда человек.

– Но ведь это и так ясно, – недоумеваете вы.

– Пока не доказано – не ясно. У тебя есть доказательства того, что этот компьютер хотя бы создан человеком?

– Нет. Но и вариантов нет.

– Варианты всегда есть. Может этот компьютер... самозародился. Миллионы лет эволюции, постепенно возникают все более и более сложные комбинации элементов, и вот, полюбуясь: пройден путь от булыжника до компьютера.

Формально в этом диалоге вы выглядите дураком, а ваш друг умным, потому что вы твердите: "Это так понятно", а он настаивает на необходимости прямых доказательств. Но ведь на самом-то деле ни кто не усомнится в том, что ваш друг – полный дурак, а ваша твердая бездоказательная уверенность в том, что компьютер сам по себе в лесу появится не может, вполне обоснована. У вас тоже есть доказательства, хотя и не прямые.

Ну а теперь представьте себе, что в лесу вместо компьютера вы увидели ежика. Происходит очень похожий диалог. Вы говорите: "Какое интересное существо создал Бог", а вам отвечают: "А где доказательства, что его создал Бог?" Между тем, ежик, как система, в миллионы раз сложнее самого навороченного компьютера. То есть, скорее можно предположить самозарождение компьютеров, чем ежеиков.

Признаюсь в том, за что верующие меня вряд ли похвалят. Я много раз задавал себе вопрос: "Есть ли хотя бы малейшая вероятность того, что Бога нет?" Вертел эту тему повсякому, но вынужден был признать, что такая вероятность полностью исключена. Я просто вынужден был признать, что Бог есть. Жизнь на планете Земля – это сверхбольшая серия сверхсложных систем. Она не могла появиться сама по себе.

Душа бессмертна

Уверенность в существовании Бога – лишь фундамент религиозного мировоззрения. Выше фундамента придется построить еще много этажей. И каждый раз будет возникать один и тот же вопрос: "Почему не иначе?"

Из того, что Бог существует, отнюдь не следует, что душа человека бессмертна. Это надо доказывать отдельно, заново. Есть ли у нас доказательства того, что душа бессмертна? Выше крыши. Существует огромное количество подтвержденных фактов посмертного бытия. Пересказывать их нет смысла, к услугам любого, кто заинтересуется этой темой, будет целая библиотека.

Итак, мы имеем огромное количество фактов, которые, во-первых, носят согласованный характер, а, во-вторых, исключают возможность какой-либо иной интерпретации. Москвич во

время клинической смерти видел, чем занимается его дядька в Киеве, а дядька потом это подтвердил. Это невозможно объяснить ни сонным видением, ни выдумкой, ни как-либо еще. Мы имеем дело с фактом: тело человека находилось в Москве, а его сознание – в Киеве. Огромное количество подобных фактов полностью исключает вероятности фальсификации.

В науке любая теория, имеющая такое количество эмпирических подтверждений считалась бы безупречно доказанной. Из разряда гипотез она перешла бы в разряд установленных научных истин. И вряд ли хоть один ученый захотел бы опозорить себя ослиным упрямством, пытаясь спорить с тем, что безупречно доказано. Но ученые по-прежнему делятся на верующих и неверующих, то есть определенная их часть упорно не желает признавать установленные факты. Если бы речь шла о каком-либо факте, не имеющем религиозного значения, им хватило бы и половины этих доказательств, но как только речь заходит о научном подтверждении одного из постулатов религии, так просто уже не существует такого количества доказательств, которое они сочли бы достаточным. У них тут же включается совершенно ненаучный рефлекс: все отрицать.

Тут мы опять сталкиваемся с потрясающим, парадоксальнейшим психологическим феноменом: отсутствием веры. Мне очень не нравится это определение. По точному значению слов получается, будто бы они не хотят слепо и бездоказательно принять некоторые утверждения. А все как раз наоборот: они не хотят принять бесчисленных, бесспорных и безупречных доказательств этих утверждений, Цепляясь вот к этим словам: "отсутствие веры", ученые атеисты снисходительно заключают: "Ученый должен не верить, а знать". Да кто же спорит, но они отвергают именно научное знание, подтверждающее положения религии.

Вот такая путаница в терминах. Когда мы говорим, что "Бог подарил человеку веру", мы вовсе не имеем ввиду обретение нерассуждающей способности принять религию. Этот самый "дар веры" просто делает человека способным иметь по религиозным вопросам логичные и обоснованные суждения. "Вера" освобождает человека от локальной слепоты, то есть позволяет видеть, что доказанный факт – это доказанный факт, и не отрицать очевидного. Верующие имеют право называть себя знающими гораздо в большей степени, чем атеисты. И может быть давно уже пора вместо "религиозная вера" говорить "религиозное знание".

Итак, честная, неангажированная наука, то есть собственно наука достаточно убедительно доказала, что сознание человека не есть функция мозга, поскольку может успешно функционировать без мозга и вообще вне тела.

Некоторые данные, казалось бы, убеждают нас в обратном. Корифея математика стукнули кирпичом по голове и теперь ему требуется целый час для того, чтобы умножить 7 на 8. Отсюда, вроде бы, следует, что человек "думает мозгом", поскольку при повреждении мозга он начинает думать хуже, соответственно, при уничтожении мозга перестает думать, то есть перестает существовать. Так? Не так. Факты этой группы дают возможность иначе их интерпретировать.

Мозг не порождает сознание. Мозг дает сознанию возможность себя проявлять, при чем лишь до тех пор, пока душа находится в теле, то есть пока наша личность привязана к белковой субстанции. Скажем, у вас в квартире есть электричество. Вы нажимаете выключатель и загорается лампочка. Если вы не имеете ни какого представления об этой системе, то вполне можете сделать вывод, что лампочка порождает электричество. Ведь вот же доказательство: разбили лампочку и нет ни какого электричества. На самом деле электричество ни куда не делось, оно лишь утратило возможность себя проявлять в рамках этой системы.

Мозг – та же лампочка. В рамках материального мира сознание проявляет себя через мозг. При уничтожении мозга сознание не может себя проявлять в рамках этой системы. Но оно продолжает существовать, и это доказано многочисленными фактами, когда тело и сознание на время разлучаются, а потом опять продолжают совместное бытие.

Личность, грубо говоря – сумма информации. Так вот мозг не является носителем этой информации. Носителем информации личности является душа – некая объективно существующая субстанция, которая не является веществом. Личность и мозг неким образом связаны, но они могут и не быть связаны. Мозг разрушается, а личность остается.

Стоп! Мы отнюдь не доказали, что душа бессмертна. Мы доказали, что личность может существовать вне тела и для своего существования в теле не нуждается. Это не мало. Это даже очень много. Мы доказали принципиальную возможность бессмертия души. Но не более того.

Вообще, в православии доказано все. Доказано с такой железной неопровержимостью, что против не попрешь. Весь вопрос только в характере доказательств. До сих пор я приводил доказательства рациональные, имеющие ценность не независимо от отношения человека к религии. Но есть у нас еще и такие доказательства, которые мы можем применять только для внутреннего употребления. Мы должны отдавать себе отчет в том, что они не годятся для полемики с безбожным миром. Например, св. ап. Павлу, прп. Серафиму Саровскому и еще очень многим другим были открыты картины посмертного бытия. Они не доказывали и не верили, они просто видели. Они знали. И мы не сомневаемся в реальности их опыта, мы принимаем их "свидетельские показания", у нас есть для этого причины, которые безрелигиозный разум вряд ли сможет понять. Мы тоже не верим, а знаем. Но для диалога с рациональным сознанием такие аргументы совершенно не годятся. Мы обязательно услышим в ответ: а что если это были всего лишь яркие галлюцинации? Мне будет не чем крыть. С научной точки зрения я обязан допустить такую вероятность.

Впрочем, еще раз подчеркну. Я не защищаю диссертацию, я всего лишь рассказываю о личном опыте обретения истины. Мои знания, как научные, так и богословские очень ограничены. Если я говорю: "доказательств нет", это значит, что их нет у меня. А у кого-то, может быть, и есть. Но средний человек не имеет возможности овладеть всей суммой научных и богословских знаний для того, чтобы сделать религиозный выбор. И я, делая выбор, обходился тем, что имел.

Здесь я опирался на логику, вполне рациональную логику. Доказано, что атеизм антинаучен. Опираясь на объективные научные данные, мы вынуждены признать, что Бог существует, и душа не умирает вместе с телом. Значит мы вынуждены выбрать религию. А между тем, все религии, каждая на свой манер, утверждают бессмертие души, значит, делая неизбежный выбор в пользу религии, я делаю столь же неизбежный выбор в пользу уверенности в бессмертии души. Мне ни чего другого просто не остается.

Вообще-то есть одно доказательство того, что душа бессмертна. Для меня оно выглядит вполне убедительно. Если доказано, что человека создал Бог, то возникает вопрос: "Зачем Он его создал?" У Него должна быть какая-то цель. Даже человек с его убогим разумом, совершая какие-либо действия, всегда стремится к достижению определенной цели. И уж тем более Сверхразум, создавая человека, преследовал некую конкретную цель. Для меня это бесспорно. А теперь посмотрим вокруг себя. В нашей земной суете очевиднейшим образом нет ни цели, ни смысла. Человек появляется, жрет и исчезает. В рамках материального мира торжествует абсолютная бессмыслица. Все, что мы делаем на земле направлено лишь на поддержание самого процесса жизни. Как-то даже видел книгу под названием "Цель жизни – жизнь". Это полный логический абсурд.

Жизнь – это процесс, а процесс не может быть целью процесса. Цель процесса всегда лежит вне процесса. Скажем, делая ящик, вы забиваете гвозди. Забивание гвоздей не является целью забивания гвоздей. Цель – сделать ящик. Эта цель может быть достигнута только тогда, когда процесс уже завершен. Также и цель земной жизни может быть достигнута только тогда, когда земная жизнь уже завершена.

Тут мы опираемся не на факты, а на логику, и эта логика подтверждает существование жизни после биологической смерти. Оставим пока вопрос о том, с какой целью Бог создал

человека. Пока бесспорно следующее: эта цель находится за пределами материального мира. И для достижения этой цели существует религия.

Надо ли выбирать религию?

Теперь нам надо выбрать религию? Нет, пока рано. Сначала надо доказать, что этот выбор действительно необходимо сделать.

Есть такая точка зрения: «Все религии учат одному и тому же, они отличаются друг от друга лишь незначительными деталями, которые обусловлены национальными условиями». То есть Бог дал каждому народу подходящий для него вариант религии. Один вариант не хуже другого, все религии равны по своему достоинству. «Истина одна, а путей к ней много». «Бог один, а имен у него много». «Земные перегородки до Неба не достают». «На Небе святые всех религий пожимают друг другу руки». Значит, если ты родился в православной стране – исповедуй православие, если в исламской – ислам. Очень удобная концепция, потому что она избавляет человека от религиозного выбора и от тягостной необходимости доказывать правоту своей религии. Да ведь и приятно же сказать: «Все по-своему правы». Так дружить легче. Жаль только эта концепция – ложная.

Эта концепция строится на полном непонимании того, что такое религия, точнее – непонимании разницы между религией и этикой. Религия означает «связь». Имеется ввиду связь между человеком и Богом. То есть религия существует для того, чтобы регулировать отношения между человеком и Богом. Этика – сумма нравственных предписаний, правил поведения. Этика регулирует отношения между человеком и человеком. То есть религия устанавливает вертикальные связи. Этика – горизонтальные.

Путаница происходит из того обстоятельства, что у каждой религии есть своя этическая система, и вот этические системы разных религий на самом деле очень похожи, хотя и то местами они существенно отличаются, но сходства, пожалуй, больше. Вот на этом-то основании и делается вывод о равноценности всех религий. Но если религия имеет свою этику, это не значит, что она к этике сводится. Основная задача религии вовсе не в том, чтобы научить нас правилам хорошего поведения. Сводить религию к этике значит фактически уничтожать религию. Задача любой религии – сделать так, чтобы после смерти нам было хорошо. Религия нужна для того, чтобы помочь нам наилучшим образом обустроить наше посмертное бытие. И вот об этом-то посмертном бытии разные религии имеют принципиально различные представления. А самое главное: религии по-разному говорят о том, что надо делать для того, чтобы после смерти нам было хорошо.

Исламский рай и христианское Царство Небесное и то очень существенно отличаются друг от друга, хотя обе религии произошли от одного корня. То есть эти религии делают нам очень разные приглашения. А буддийское приглашение в нирвану принципиально отличается от концепций посмертного бытия авраамических религий. Индуистское же "слияние с абсолют" это нечто уже ни на что другое не похожее. Между этими непримиримыми концепциями надо выбирать. Выбираем мы конечно не форму посмертного бытия, потому что тут на самом деле вариантов нет. Мы выбираем, какая из концепций соответствует истине. И этот выбор определяет для нас нормы религиозного поведения.

Мусульманин может иметь четырех жен и неограниченное количество наложниц. По утверждению ислама, это вполне соответствует воле Аллаха. Христианину вера предписывает иметь только одну законную жену, а сожителство еще хотя бы только с одной женщиной – это прелюбодеяние, то есть смертный грех, который, оставаясь нераскаянным, обречет душу на ад. При этом, по утверждению ислама, христианин, поскольку он не обрезан, ест свинину и верит в Святую Троицу, за все это и многое другое так же попадет в ад. Что для одних – норма религиозного поведения, то для других – нарушение нормы.

Эти примеры можно множить до бесконечности. Христианину, например, предписана молитва, то есть обращение к Богу, без этого в Царство Небесное ни как не попасть. Буддисту предписана медитация, то есть полное изгнание всех мыслей и чувств, и без этого нирвана недостижима, а личного Бога, по утверждению буддистов, вообще нет. Это диаметрально противоположные предписания.

Понятно, что утверждение: "Все религии учат одному и тому же" – чистый абсурд. Так может думать лишь человек, не имеющий представления ни об одной из религий. Надо все же выбирать.

Метод исключения

"Да кто же выбирает?" – спросите вы. Мы принимаем ту религию, среди которой выросли. Большинство – да. Но далеко не все. Разве мало европейцев сегодня принимают ислам, хотя выросли рядом с христианскими храмами? Разве мало японцев приняли христианство, хотя были воспитаны в буддизме или синтоизме? А русские кришнаиты? А индийские христиане? Нет числа примерам.

Вы все-таки не хотите выбирать? Вы говорите: "Мы придерживаемся этой религии, потому что такова вера наших предков"? Но тот, кто видит в исполнении религиозных предписаний лишь следование национальным традициям, просто не знает, что такое религия. Мы уже выяснили: религии настолько принципиально различны, что истинной может быть только одна из них. Может быть, наши предки сделали правильный религиозный выбор, а, может быть, ошибочный. Если вы считаете себя мыслящим человеком, вы должны разобраться с этим вопросом.

Скажу за себя. Убедившись в том, что Бог есть и душа не умирает вместе с телом, я принял именно православие просто потому что оно рядом. Разбираться стал уже потом. Меня достали вопросы типа: "В мире столько разных религий, почему мы думаем, что именно наша – правильная?" Вот я и подумал: если нам не известен ответ на этот вопрос, значит мы совершенно бессмысленные создания. Если мы не можем доказать, что именно наша вера является правильной, тогда неизвестно, есть ли у нас вообще вера.

Изучая другие религии, я вполне мог перейти в одну из них, если бы решил, что она лучше веры моих предков. Мой родной город Вологда предоставляет для этого достаточно возможностей. Можно было примкнуть к кришнаитам или к "Брахма Кумарис". Можно было принять ислам и ходить в мечеть. Не трудно было отыскать у нас и язычников, и сатанистов. Ни в одном из этих случаев одиночество мне не грозило. И ведь не малое количество моих земляков ушли в одну из этих религий.

Пусть я принял православие не вполне осознанно, но остался в нем осознанно, на основании свободного религиозного выбора. Мне сказочно повезло: вера моих предков совпала с установленной истиной. Кому-то пришлось платить за переход в православие отречением от своих национальных традиций, тяжелой психологической ломкой, а я, оставаясь у себя дома, оказался там, куда другие с таким трудом добираются. По этому вопросу, как и по всем другим, я не пытаюсь привести исчерпывающего количества доказательств, приведу лишь те, которых лично для меня оказалось вполне достаточно.

Первый вывод, который пришлось сделать: религий на самом деле не так уж и много, их разнообразие – кажущееся. Много различных вариаций, а основных лишь несколько.

Буддизм я отверг легко и без напряжения. Религию, которая не знает Бога-Творца и религией трудно назвать. Если я убедился, что Бог есть, значит мне надо установить с Ним отношения, я должен делать то, что Он от меня хочет, то, зачем Он меня создал. Но буддизм ни чего мне об этом не говорит. И зачем он мне тогда нужен?

Буддизм – это практика совершенствования души. И эта практика меня так же совершенно не устраивает. Ее логика вполне понятна. Открытие, которое сделал принц Гаутама, заключается в следующем: страдания происходят от желаний. Для того, чтобы избавиться от страданий, надо избавиться от желаний. В целом – верно, но что в итоге? Вместе с плохими желаниями предлагается избавиться и от хороших. Любовь, сочувствие к ближнему, стремление прийти на помощь – это тоже желания, они тоже вызывают страдания, от них так же надо избавиться. Буддизм похож на антибиотик, который вместе с вредными микробами убивает также и полезные. Буддизм, по моим представлениям, предлагает мне превратиться в чудовище, которому не ведомо сочувствие и сострадание. Мне кажется, это низость. Предпочитаю брать на себя боль моих ближних, чем превращаться в бесчувственный чурбан.

А что предлагаем мне буддизм в награду за то, что я стану чурбаном? Будущее, достойное чурбана. Нирвана – это в принципе абсолютное бесчувствие, то есть абсолютное небытие.

Я пришел в православие из атеизма. Это был тяжелый переход. Если я принял на себя эти тяготы, значит я надеялся обрести в религии то, чего не имел в атеизме. А буддизм предложил мне небытие. Ну, господа, такую-то возможность я и в атеизме имел. Чиркнул бритвой по венам – и вот тебе пожалуйста – небытие, избавление от всех страданий. Да буддизм еще предложил мне тяжелейшую работу над собой за ту награду, которую атеизм обещал мне, как результат разового действия. То есть выводы из буддизма такие же, как из атеизма – все заканчивается небытием.

Буддисты возразят: чиркнув бритвой по венам, ты получишь не небытие, а бесконечную цепочку перерождений. Но, господа, известно же, что в своем новом воплощении я не буду помнить прежней жизни, то есть мое «я» все-таки исчезнет, значит, я его все-таки уничтожу, а это практически не отличается от небытия. Какое мне дело до того, что я стану баобабом, если баобаб не будет помнить обо мне, то есть не будет носителем моей личности? Хрен ли мне до этого баобаба? Я все равно что умру. Значит, даже если буддизм во всем прав, это не опасно. Мы равным счетом ни чего не теряем, если не будем следовать его предписаниям.

Индуизм. Вообще-то индуизма не существует. Это целая группа разнородных культов, но все они имеют между собой нечто общее, так что это общее и разберем. Отвергнув соблазн принять буддизм, мы уже избавлены от необходимости выбирать между дзен-буддизмом и ламанизмом. Так же, если не примем индуизм в принципе, то уже не надо будет выбирать между «Обществом сознания Кришны» и «Брахмой Кумарис».

Индуизм, пожалуй, единственная не авраамическая религия, которая знает Бога-Творца. Но индуизм не поклоняется Единому Богу, он знает трех только основных богов. Брахма создает, Вишну поддерживает, Шива разрушает. Значит, приняв в свое сердце создателя, я буду вынужден вместе с ним на равных правах принять и разрушителя. Вместе с добром, я приму и зло. Я буду вынужден утвердить в себе равноправие добра и зла, их равновеликость и равноценность. Против этого восстает здоровое нравственное чувство. Я не хочу обращаться к персонифицированному злу, не хочу ни о чем с ним договариваться, соответственно не хочу принимать Шиву и его жену Кали. Значит, я не принимаю индуизм.

Конечно, могут возразить: мало ли что ты не принимаешь, мало ли что тебе не нравится, но мир именно таков, каким его понимает индуизм. Тебе может не нравиться закон всемирного тяготения, но он существует, так же, если Шива существует, с ним придется считаться, независимо от того, нравится ли он тебе.

У нас проблема, да? Легко было доказать, что Бог есть и душа не умирает вместе с телом. А могу ли я доказать, что христианство рисует правильную картину мира, а индуизм – не правильную? Лично я – не могу. Правда, и они тоже не могут. Штудирование индуистских источников не предоставило мне ни одного доказательства их правоты. Значит, я отнюдь не вынужден принять индуизм и мне приходится ориентироваться по типу: нравится – не нравится. Выглядит глуповато. Получается, что между индуизмом и христианством каждый выбирает то,

к чему у него больше душа лежит, то есть, нет у нас объективных критериев. Я могу, конечно, привести доказательства правоты своей религии, но я прекрасно понимаю, что любое из них можно перетолковать каким угодно образом, то есть кому как нравится. Железобетона в моих доказательствах не будет.

И тогда я задаю себе прежний вопрос: чем я рискую, если отвергну христианство и чем я рискую, если отвергну индуизм? Если я ошибусь с отрицательной оценкой христианства, я буду вечно мучиться в аду, ошибочно отвергнув индуизм, обреку себя на бесконечную цепочку перерождений. (Учение о реинкарнации – общее для буддизма и индуизма). Еще раз повторю: по здравому размышлению, мне эти перерождения ни чем не грозят, я ни чего не буду знать о своих предыдущих «я», следовательно, отвергнув индуизм, я ни чем не рискую, исчезновение личности фактически равняется смерти души. «Слияние с Абсолютом» – очень странная для меня награда, если учесть, что, получив ее, я ни чего не буду об этом знать.

Зачем Бог создал меня? Зачем наделил разумом, чувствами, волей? В чем смысл существования этого мира и моего прихода в этот мир? На какую конечную цель все это направлено? Вот те вопросы, ответы на которые я ищу в религии. Что же отвечает мне индуизм? Будешь хорошо себя вести – исчезнешь. То есть как бы и не исчезнешь, а растворись в Боге, то есть личность твоя перестанет существовать, то есть все-таки исчезнешь. Ты есть, чтобы перестать быть. Мне не ответили. Меня обманули. Меня завалили ворохом умных слов, но в конечном итоге из них следует, что смысла-то никакого и нет. Допустим, эта религия верна, но тогда мне не нужна ни какая религия, здравый смысл вынуждает меня вернуться в атеизм, хлопот меньше, а результат тот же самый. Но в атеизм я не хочу, потому что уже знаю, что это ложь. Значит, я вынужден отвергнуть индуизм.

Последнее время пытаются реанимировать доктрину катаров, основанную на древних гностических культах. Концепция такова. Мир создан злым демиургом, добрый бог не имеет к этой пакости ни какого отношения. Чтобы вырваться из плена злого демиурга, надо разрушить этот мир, и тогда мы вернемся к доброму богу.

А мне вот интересно, вы, господа, откуда все это знаете? Если вы зададите этот вопрос представителю одной из авраамических религий, вам ответят: «Бог Сам нам это рассказал». Вы можете верить или не верить в то, что Бог обращался к людям через Моисея, Христа, Мухаммеда, но на вопрос об источнике информации вам дают четкий и однозначный ответ. А вам-то откуда известно устройство мира? Не от злого демиурга, это точно, он ваш враг, и не он же научил вас с ним бороться. И не от доброго бога, потому что, по вашим представлениям, его нет в этом мире, он никак себя не проявляет у нас на земле. Вы такие умные, что сами до всего дошли? Что-то мне это сомнительно. Каким образом человек может узнать, кем создан этот мир? Ни один человек при этом не присутствовал. Похоже, что вы все это выдумали.

Хорошо, не торопитесь обижаться, я сейчас просто возьму да и поверю вам. Но тогда у меня возникнут другие вопросы. Предположим то, что демиург злой вы установили эмпирическим путем – мир-то наш и правда не очень ласковый. А вот с чего вы взяли, что тот бог, к которому вы хотите вернуться из плена демиурга – добрый? Мир – вотчина демиурга, а бог всегда был равнодушен к его делам и ни как в них не участвовал. Это доброта? Пока понятно только то, что ни кто из людей вашему богу и на фиг не нужен. И что же я тогда буду так рваться к нему из плена демиурга? Не похоже, что он меня любит, нет признаков того, что он меня ждет. А что если он окажется еще злее демиурга? Короче, полные непонятки.

Вы, господа катары, чем-то похожи на сироту, который разыскивает отца. Отец когда-то бросил ребенка на съедение волкам, ребенок чудом выжил и вот теперь вбил себе в голову, что отец – очень добрый. А лучше бы спросить себя: почему отец меня бросил, почему он сам не пытался меня найти? Ведь, если честно, по всему выходит, что я никогда не был нужен отцу. Почему ваш бог ни когда не пытался выйти с людьми на связь?

А с языческими культурами, сколько бы их ни было, и вовсе просто. Сейчас, к примеру, славянское язычество пытаются реанимировать. Совершенно бессмысленная затея. Если религиозная традиция умерла сама по себе, ее уже ни какими силами не вернуть к жизни. А умерла она потому что престала отвечать религиозным запросам людей, перестала соответствовать среднему уровню развития религиозного сознания. То есть сегодня язычество могут поддерживать люди, чье религиозное сознание не сильно возвышается над уровнем каменного века.

Мне предлагают молиться Перуну, Велесу, Сварогу, Дажьбогу и так далее. Ну и какие проблемы я могу через них порешать? О чем мне просить их? Об удачной охоте? О том, чтобы домашняя скотина яшуром не болела? О том, что бы на посеvy вовремя прошел дождь? О повышении зарплаты можно молиться? Даже не знаю. Вообще религия нужна человеку не для того, чтобы решать частные вопросы жизнеобеспечения, а для установления связи с высшим планом бытия. Когда у человека не было духовных сил оторвать свой взгляд от пашни, он и не просил ни о чем, кроме всходов, для этого довольствуясь примитивными контактами с миром низших духов. А бесы и рады были рядиться в одежды каких угодно богов. Даже если кто-то не согласен видеть в языческих богах бесов, все равно понятно, что это низший духовный план, Творец вселенной выше их, и наша задача – к Нему пробиться, и монотеизм предлагает нам такую возможность. И зачем нам после этого убогие контакты с какой-то бесчисленной мелюзгой?

Сколько бы мы, господа, не рыскали по всему миру в поисках религии, мы все равно упрямся взглядом в авраамический монотеизм. И тут мы можем выбирать из трех религий, Впрочем, как всегда, убедившись, что выбирать нам не из чего.

Соблазн иудаизма мы преодолеем легко. Нам его, собственно, ни кто и не предлагает. Иудаизм – религия чисто национальная и вовсе не в том смысле, в каком, например, индуизм. Последний так называется, потому что его "придумали индусы", а в общем-то необязательно быть индусом, для того, чтобы молиться Кришне. Иудаизм – не только изобретение евреев, он и существует лишь для евреев. По утверждению этой религии, только евреи обладают частицей божественной души – шехины, то есть евреи качественно отличаются от других людей. Как невозможно иноверцу стать полноценным евреем, так невозможно иноверцу стать полноценным посетителем синагоги. Иудаизм резко отличается от других религий тем, что не занимается прозелитизмом, то есть обращением в свою веру. Если есть некоторые возможности для перехода в иудаизм, то возможности стать полноценным членом этого религиозного сообщества все равно не существует.

Ну а если бы я был евреем, остался бы я в этой религии, или предпочел бы другую? Предпочел бы. Очень уж иудаизм замкнут на земные дела. По утверждению этой религии, еврей ни за какие злые дела не может быть отправлен в ад более, чем на год. Поэтому за умершего еврея молятся только 11 месяцев, иначе пришлось бы предположить, что он был худшим из евреев. То есть главный вопрос религии – обустройство посмертного бытия, для еврея решен уже в силу религиозной (т.е. национальной) принадлежности. Ну что такое несколько месяцев в аду? Ради них не стоит обременять себя исполнением заповедей в течение нескольких десятилетий земной жизни. Если ты еврей, то можно в общем-то забыть о религии и спокойно заниматься зарабатыванием денег.

Еще меня, например, отталкивает то, что еврейская религиозность строится на исполнении чисто внешних, формальных, мелочных предписаний. Не ешь того, не делай этого. Что случится с моей душой, если я съем устрицу или забью гвоздь в шаббат? Можно я буду думать, что ни чего не случится? Формальные предписания есть в любой религии, но иудаизм исключительно на них только и строится. А это все не о Небе. Тут слишком мало собственно религии, больше национальных традиций.

Ислам. В эту религию можно перейти. Ислам активно к себе зовет. Десятки тысяч европейцев уже приняли ислам. Почему? Полагаю, они поддались чисто внешнему очарованию романтически суровой, мужественной веры. То есть толком ни в чем не разобрались. А стоило.

В исламе, по сравнению с иудаизмом и христианством, нет ни одной новой религиозной идеи. Это специфическое преломление авраамизма в арабском сознании. Арабам пророк Мухаммед подарил монотеизм – это был революционный рывок вперед, это было принципиальное, качественное приобретение. Ну а мы-то тут причем? Мы и так уже имели монотеизм, причем в варианте гораздо более разработанном и детализированном по сравнению с исламом. Если европеец принимает ислам, что нового он приобретает по сравнению с христианством? Ровным счетом ни чего. А вот теряет он очень многое.

Я не верю в то, что Коран – откровение Бога. Точнее, знаю, что он таковым не является. Зачем Богу через откровение сообщать людям те истины, которые Он уже раньше сообщил через предыдущие откровения? Бессмыслица.

Кому-то может нравиться арабская культура и некоторые основанные на ней специфические особенности исламской религиозности. Это может быть поводом для того, чтобы стать арабистом, но это не повод для того, чтобы стать исламистом. Любите вы себе на здоровье арабскую культуру, а религия тут при чем? Чтобы сегодня перейти в ислам, надо просто не иметь ни какого представления о том, что такое религия.

Ну и что у нас осталось от бесконечного разнообразия религии? Да ни чего. Нет тут ни какого разнообразия. Единственный по-настоящему универсальный, основательный, хорошо разработанный вариант монотеизма – христианство. Рискнул бы даже утверждать, что христианство – единственная настоящая религия. Все остальные религии или уводят в сторону магии, или сводятся к соблюдению национальных традиций, или равны по своим духовным выводам атеизму, или являются собой скорее философию.

Мне очень хотелось сравнить христианство с другими религиями, но я не нашел с чем сравнивать. К примеру, ни в одной религии нет такой разработанной догматики, как в христианстве. Там не другая догматика, ее просто нет, или она очень примитивна. Христианское сознание продвинулось так далеко в постижении иного плана бытия, как ни кто и ни когда в нашем мире.

Конечно, сознательный и по-настоящему осведомленный выбор веры – удел очень немногих людей. Хотя, такие люди есть. К примеру американец Юджин Роуз выучил арабский, чтобы прочитать Коран, и в конечном итоге отверг ислам. Выучил санскрит, чтобы прочитать Веды, и в конечном итоге отверг индуизм. И так далее. А в итоге в Православной Церкви появился иеромонах Серафим (Роуз). Но мы не можем повторить его путь. То, о чем я пишу – это доказательства лично мной обретенные и лично для меня с моим средним уровнем достаточные. Для кого-то и столько доказательств – лишка, а иному их покажется явно не достаточно.

И дело не только в количестве доказательств. Кому-то нужны качественно, принципиально иные подтверждения правоты или не правоты той или иной религии. Ведь одни и те же факты очень по-разному воздействуют на сознание людей с различным психологическим складом. К примеру, одна моя знакомая из атеизма пришла в один из индуистских культов. И у нее разом прошли все болезни. Потом она перешла в православие. И все болезни тут же вернулись. Для меня это неоспоримое, восхитительное даже доказательство правоты православия. А для вас – нет? Вам больше понравилась бы такая религия, от которой болезни проходят? Вы склонны видеть в этой истории доказательство правоты индуизма? Вот ведь какие мы разные...

Вполне осознаю, что приведенные мною доводы удовлетворят только тех, кто похож на меня по психологическому складу и вовсе не считаю, что несколькими элегантными движениями стер в порошок все религии на свете. К тому же не мало движений (на мой взгляд – не отличающихся элегантностью) предпринято для того, чтобы точно так же стереть в порошок христианство. Используя метод исключения, я доказывал, что другие религии для меня непри-

емлемы, но ведь отсюда еще не следует автоматически, что христианство безупречно. Итак, безупречность христианство нам опять предстоит доказывать.

Бог един в трех Лицах

"А почему вы решили, что Бог – это Святая Троица?" – спрашивают у нас. Разговаривая с людьми нецерковными, мы не можем сослаться на свою твердую уверенность, что все учение Церкви есть истина. Нам говорят: "Это придумали люди". Нам есть что возразить? Давайте почешем в затылке.

Если мы заглянем в Библию, то не найдем там упоминаний Святой Троицы. Некоторые фрагменты библейских текстов можно расценить, как "подсказки", то есть косвенные указания на троичность Бога, но давайте честно признаемся в том, что эти подсказки вполне возможно перетолковать каким угодно иным образом. Итак, Библия не содержит прямых точных указаний на то, что Бог един в трех лицах.

Откуда же взялся этот догмат? Вариантов два. Или его придумали люди, или Бог через некоторых людей открыл эту тайну. Возможно ли предположить, что троический догмат есть произвольное измышление человеческого разума? Вот тут-то мы и понимаем, что такое предположение абсурдно и даже, рискну сказать – антинаучно.

Путь человеческого разума – выстраивание цепочки доказательств, которые приводят к четко сформулированной теории. Бывает и наоборот: сначала формулируют теорию, а потом подтягивают под нее доказательства. Бывают фантазеры, которые не обременяют себя доказыванием, но свое "открытие" они описывают охотно, детально и, насколько могут, последовательно. При этом все хорошо понимают: чем более последовательно, логично, детально сформулирована теория, тем более она убедительна.

Что же говорят нам богословы о троическом догмате? А то, что он принципиально непознаваем. Это тайна, недоступная человеческому разуму. Соборный разум Церкви выразил троичный догмат не в точных формулах, а скорее в аллегориях, заведомо крайне несовершенных, тайну отнюдь не раскрывающих, но более точных слов ни в одном человеческом языке не отыскалось, потому что нет соответствующих понятий. В самом деле, как это: с одной стороны – Один, а с другой стороны – Три. Это же не логично. Да, это совершенно не логично. Это иррационально. А в чем принципиальная разница между "рождением" Сына и "исхождением" Духа? Вам ни кто не объяснит. Известно, что эта разница существует, а в чем она – сформулировать принципиально невозможно. Постигание этой тайны превосходит возможности человеческого разума.

Ну ни чего себе догмат "придумали" святые отцы! И сами толком не могут объяснить, в чем он заключается. Господа, так не бывает. Любая "придуманная" теория всегда выражена в точных формулировках. Случается, что изобретатель не все детали дотянул, но это доделывают его последователи. А у Церкви было без малого два тысячелетия на то, чтобы сделать троический догмат более понятным, логичным, последовательным. Не захотели. Попытки-то как раз были. Триадологические ереси, например, арианство, это именно попытки сделать триадологию более логичной, более внятной человеческому разуму.

С точки зрения чисто человеческой, арианство просто обязано было победить. Оно гораздо понятнее, доступнее. Исторических шансов у арианства было более, чем достаточно – его исповедовали целые народы, державшие тогда в руках судьбы Европы – готы, франки. И в богословской среде арианство отнюдь не перестало быть популярным после первого вселенского собора. Но арианство, такое человеческое, такое близкое куда-то просто делось и все. А знаете почему? Потому что арианство – выдумка. Выдумки недолговечны, хотя гораздо более логичны. Правда всегда выглядит противоречиво, потому что человеческий разум далеко не всегда в состоянии снять эти кажущиеся противоречия. Но правда парадоксально живуча.

Итак, мы вынуждены сделать вывод: человеческий разум не может породить теорию суть которой сам этот разум не может ни постичь, ни адекватно выразить. Люди не выдумывают то, о чем сами имеют смутные представления. Если в человеческом сознании присутствует убеждение, для этого сознания не вполне понятное, значит это убеждение не является продуктом этого сознания и привнесено в него извне. Если вы плохо знаете теорию Эйнштейна, можно уверенно утверждать, что вы – не Эйнштейн.

Сам характер "троической веры" уже доказывает, что она не есть человеческое измышление. Единственное убедительное объяснение появления догмата о Святой Троице: Бог Сам открыл о Себе ту часть истины, которую человеческое сознание способно вместить.

Каждый продукт несет на себе отпечаток своего производителя. Так вот христианская триадология не несет на себе отпечатка человеческого разума, не обладает свойствами, характерными для обычной философской теории. Вот скажем исследуют ученые метеорит и приходят к выводу, что он содержит вещества неземного происхождения. Так же, исследуя нашу триадологию, приходится сделать вывод: она не земного происхождения.

Христос существовал

В рамках атеизма существует так называемая "мифологическая школа", представители которой считают, что Иисуса Христа ни когда не было. Помните, в начале "Мастера и Маргариты" Мишка Берлиоз очень сильно на этом настаивает. Дескать, ни один историк той поры ни о каком Христе не упоминает.

Я не профессиональный историк и не посвятил исследованию этой эпохи слишком много времени. Так, читал кое-что, и вполне возможно, что до самых важных книг по этой теме так и не добрался. На чем же строится моя личная уверенность в историческом существовании Христа? Я как студент-недоучка, который компенсирует недостаток знаний изобретением собственных доказательств.

Итак, что я имею предъявить Берлиозу? Исторические свидетельства Тацита, Плиния, Иосифа Флавия. Но ведь я знаю, что эта зараза мне ответит: позднейшие вставки. То есть христиане, спустя много веков, навставляли в произведения древних историков свидетельств о Христе. Мне есть чем крыть? Да, пожалуй что и не чем. Мне, конечно, не нравится такой подход к вопросу – любое неудобное для себя свидетельство сразу же объявлять позднейшей вставкой. Но ведь, кто его знает, может и на самом деле вставки? И не очень-то продуктивно вступать в бесконечные пререкания: вставки – не вставки. То есть свидетельства древних историков не носят характера непровержимых доказательств. Да и блеклые они какие-то, эти свидетельства, они меня самого ни в чем не убеждают. Что ж, будем исходить из того, что Берлиоз прав, и ни один историк той поры о Христе не вспоминает. Я вообще готов встать на любую точку зрения, лишь бы ее растоптать.

Теперь представьте себя, что вы живете в Москве, а где-нибудь в Минусинске приговорили какого-то бомжа. Вы ведь и знать об этом ни чего не будете, и ни какого значения для вас это не будет иметь. Нам, конечно, трудно представить себя, что нет ни радио, ни телевидения, ни газет, ни Интернета. Еще труднее нам представить, что нет оппозиции, которая постоянно использует СМИ, чтобы самые незначительные периферийные волнения представить вселенской катастрофой. И уж совсем за гранью нашего понимания то, что по всей империи постоянно происходят какие-нибудь волнения, в результате которых постоянно кого-нибудь казнят.

Нам трудно все это себе представить, но давайте попытаемся. Где-то на задворках империи мелкий чиновник вынес смертный приговор ни чего не значащему бродяге. Тут нет вообще ни какого события. Даже если в тот момент в Иерусалиме был какой-нибудь римлянин, вскоре вернувшийся в столицу, о чем он будет рассказывать друзьям? О ценах на рабов, о местной кухне, о том, какие платья шьет себе Клавдия Прокула, о том, что местные легионеры вконец

распустились и далее в том же роде. Этот римлянин, может быть, проходил в ста метрах от Голгофы во время казни, но он на это и внимание вряд ли обратил, для него это было бы событием примерно такого же масштаба, как если бы кто-нибудь из нас увидел, как менты куда-то тащат пьяного – скользнул взглядом и в памяти не задержалось. Он даже друзьям о таком пустяке рассказывать не станет. Неужели же он побежит к знаменитому римскому историку и будет настаивать на том, что это грандиозное событие надо непременно включить в анналы империи? Для историка такое событие не являлось бы даже незначительным, это вообще не событие, это будни, повседневная рутина.

Для нас то, что связано с земной жизнью Христа – один из ключевых моментов человеческой истории. Мы живем по календарю, который начинается с рождества Христова. И вот мы совершаем примитивную психологическую ошибку, вопрошая, как такое значительное событие могло не оставить ни какого следа в римской историографии? А ведь напротив, следовало бы очень удивиться, если бы такой незначительный факт заинтересовал историка той поры.

Как же нам доказать, что Христос на самом деле существовал, если римская и еврейская историография не в силах нам в этом помочь? Вы уже поняли, что на «Новый завет» как на показания свидетелей, в разговоре с рационалистами вам ссылаться не придется. Они отрицают ценность этой книги, как исторического документа. Если мы хотим не перебранки, а полемики, то должны опираться только на такие факты, свидетельства, доказательства, которые ни у одной из сторон сомнения не вызывают.

Мне кажется, я нашел такой факт. Это нероновы гонения на христиан. Вот это уже то событие, которое оставило в официальной историографии очень отчетливый след. Нероновы гонения подробнейшим и бесспорнейшим образом запотоколированы. Какое значение это имеет для нашего вопроса? Определяющее. Нероновы гонения отделены от казни Христа всего какими-то тремя десятилетиями. Значит, всего через пару-тройку десятилетий после Голгофы в Риме была уже большая христианская община, и она была уже достаточно значительной для того, чтобы обратить на себя внимание императора и его советников. Если на христиан свалили вину за поджог Рима, значит в них готовы были увидеть один из факторов, определяющих судьбу империи.

Сам факт существования большой группы христиан так скоро после казни Христа уже доказывает, что Христос на самом деле существовал. Вы представьте себе: апостолы проповедуют, призывая обратиться в новую веру, рассказывая о земной жизни Христа. У них спрашивают: «Когда это было?» Они отвечают: «Да мы сами были свидетелями, и еще многие». И этих многих не трудно предъявить, их рассказы в основном совпадают. Весьма значительное количество людей, ходивших за Христом, могли подтвердить – все это было.

А теперь представьте себе, что апостолы – обманщики, которые выдумали ни когда не существовавшего человека, жившего по их утверждению, лет 20 назад. Выступая перед «широкими еврейскими массами», они бы каждые 5 минут на вранье попадались. Обязательно, то один, то другой уличали бы их: «Я там был, но такого не видел». Или мой отец (брат, сват) там был, но ни чего подобного не рассказывал.

Кроме того, не один апостол проповедовал, а многие. Если они говорили правду, то их рассказы совпадали по сути, различаясь в деталях. А вот если бы они ввали, то обязательно запутались бы во вранье и противоречиях, над ними через пару месяцев уже начали бы смеяться: «Что-то вы, мужики, плохо договорились, как врать». А невозможно было хорошо договориться. Надо было составить единый письменный вариант «легенды», всем дать заучить, и то вряд ли помогло бы. Люди начали бы задавать вопросы, ответов на которые нет в легенде, и апостолы неизбежно запутались бы во вранье.

И ни когда ни один мошенник в мире, решив создать религию на основе рассказа о вымышленном персонаже, не отнес бы смерть этого персонажа на 10-20 лет назад. На стодевести как минимум, тогда уж ври, что хочешь, все свидетели давно умерли, а ты можешь

ссылаться на какую-нибудь таинственную рукопись, которая в единственном экземпляре есть только у тебя и которую передал тебе недавно умерший древний старец.

Итак, если вскоре после Голгофы уже существовало множество христиан, значит, существовал и Христос. Мы имеем дело с фактом бесспорным и не дающим возможности никаких иных интерпретаций.

Евангелия, как документ

Однажды некая весьма эрудированная дама таинственным шепотом мне сообщила: «А вы знаете, что евангелий на самом деле не четыре, а гораздо больше?» Это был хороший повод для ироничной улыбки: «Я знаю, что есть четыре подлинных текста и некоторое количество фальшивок».

Почему я так уверен в том, что в канонических Евангелиях – правда, а в апокрифических – неправда? Ну, начнем хотя бы с того, что нет ни одного целого апокрифа, ни одного текста, который бы связно и последовательно пересказывал жизнь Иисуса от рождения до воскресения, все какие-то разрозненные обрывки. Принадлежат они, как правило, перу гностиков, то есть носят в лучшем случае нехристианский, а то и откровенно антихристианский характер. И вот поди ж ты – ни одного целого текста не сохранилось. Скажете, что христиане их уничтожали? Ну, может быть, и уничтожали. Но и самих-то христиан уничтожали триста лет, но они почему-то сохранили и Церковь и тексты Евангелий. А гностики? Ни кому эти мудрилы оказались не нужны, и что теперь плакать над обрывками их текстов? Нет ни пятого Евангелия, ни шестого. О чем говорить?

Есть еще тексты евангельского характера, которые явно принадлежат не гностикам, а христианам. Почитал – ну да, вполне благочестивые бредни. К, примеру, один из этих текстов рассказывает в некоторых подробностях о бегстве в Египет, чего, как помните, канонические евангелия не делают. И вот некоторым очень ревностным, но не очень умным христианам захотелось восполнить этот пробел. Нехороший подход. Что неизвестно, то давайте уж и оставим неизвестным, выдумывать-то зачем? А в том, что это выдумка не возникает ни малейших сомнений. Такая фальшь прет из каждой строчки, что хоть отворачивайся. Какое-то бессмысленное нагромождение дурацких «чудес». Неужели у кого-то возникает вопрос, почему эти бабьи сплетни не включили в канон? У меня, например, такого вопроса не возникло. Это даже не подделки, а безвкусные выдумки.

Итак, мы имеем дело с фактами: есть четыре биографии Христа, а других нет. Кто-то может проливать слезы по поводу того, что другие биографии Христа в цельных версиях не сохранились, но это его личное горе, а я ни какого горя в этой связи не испытываю. В любом случае: факт остается фактом.

Но с чего мы взяли, что эти четыре евангелия – подлинные, то есть написанные непосредственными свидетелями событий или во всяком случае людьми, которые встречались и беседовали с непосредственными свидетелями? Самые древние копии евангелий моложе описанных событий на сотню – другую лет. Подлинники не сохранились. На этом основании кто-то делает вывод, что самые древние копии и есть подлинники, то есть евангелия были написаны во II – III веках, когда свидетелей описанных событий уже не могло быть в живых, то есть это выдумка.

Мы, кстати, опять можем спросить, откуда же в середине I века взялась большая христианская община, если Христа и его биографию «придумали» не раньше II века? Что же, христиане нероновых времен ни чего не знали о жизни своего Учителя? Или ни кому не пришлось в голову записать события этой жизни? Очень нелепое предположение.

Но тут все же остается вопрос: на чем основана наша уверенность, что именно эти четыре текста адекватно отражают жизнь Христа? Еще раз подчеркну, что я самоучка. Уверен, что

существуют исчерпывающие перечни бесспорных доказательств подлинности евангелий, но я как-то до них не добрался. Однако, я ведь и решаю не научную, а очень личную проблему. Мне всего лишь нужна твердая личная уверенность в том, что священные тексты, на которых основаны мои религиозные убеждения, есть тексты подлинные. При этом по натуре я скептик, мне свойственно все ставить под сомнение. Если батюшка говорит мне: "Не мудри, только веруй", то я, конечно, понимаю, что батюшка прав, но, прости меня Господи, все равно продолжаю мудрить.

Итак, на чем основана моя личная (совершенно незыблемая!) уверенность в подлинности евангелий? На самих евангелиях. Для меня в самих этих текстах достаточно доказательств их подлинности.

По роду занятий мне приходилось много соприкасаться с юридической сферой, и я неплохо представляю, как происходит процесс доказывания, как оценивают свидетельские показания. Если, к примеру, доказательства по делу как-то уж очень идеально выстраиваются в единую картину событий, для хорошего следователя это повод усомниться в подлинности доказательств. Как говорят: "Кто-то гладко выстелил". Когда все слишком гладко и нет ни каких противоречий – это признак искусственного моделирования, то есть подделки доказательств. Или несколько подписей, сделанных одним человеком, всегда будут чуточку отличаться. Если четыре подписи идеально совпадают, значит три из них – не подлинные, это механические копии одной из них, то есть подделки.

А сколько христиан шпыняли тем, что в четырех евангелиях есть противоречия. Вот чудачки. Эти-то противоречия в некоторых второстепенных деталях как раз и доказывают подлинность евангелий. Искусственно моделируя жизнь Учителя, не составило бы никакого труда устранить противоречия – все было бы идеально гладко. Да, кстати, и не потребовалось бы четырех евангелий. Составили бы одну развернутую детальную версию и утвердили бы на веки вечные. Четыре-то зачем?

Но евангелий четыре именно потому, что даже очень хорошая человеческая память все же не идеальна. Кто-то что-то запомнил не совсем так, как запомнил другой, или вовсе не запомнил, а то и не знал, или не счел достойными упоминания те подробности, которые по мнению другого очень важны. Правдивые показания свидетелей всегда, согласуясь в главном, отличаются в деталях. Если четыре свидетеля, как один, говорят, что 123-м километре шоссе на обочине лежал средних размеров серый камень, не извольте сомневаться – они сговорились, что именно будут врать. Не могут четверо, как один, обратить внимание на одну и ту же деталь и почему-то ее запомнить.

Именно поэтому некоторые расхождения в показаниях евангелистов доказывают, что они правдивы. Но далеко не только это. Если человек врет, он ни когда не будет украшать свое вранье такими подробностями, которые ему не выгодны. Вот, скажем, подозреваемый рассказывает своему адвокату о том, "что было в тот вечер". Адвокат ему: "Зачем ты говоришь, что поспорил с потерпевшим, это ставит под сомнение твою невиновность". А подозреваемый: "Ну да, но так и было". А если подозреваемый врет, выдумывает легенду? Он ни когда не будет украшать ее такими деталями, которые ставят его показания под сомнение. Того, что не выгодно – не выдумывают.

А теперь подумайте, насколько выгодным был для молодой церкви рассказ об отречении Петра? Если не только Иуда предал, но и сам первоверховный апостол отрекся, то не подрывает ли это доверие к христианской общине? Подрывает. А вы еще вспомните о том, что во время казни все апостолы, кроме Иоанна, разбежались, отнюдь не показав себя героями. И таких очень невыгодных для Церкви деталей в евангелиях более чем достаточно. То Петр на горе Фавор начинает нести какую-то чепуху, явно не понимая духовного смысла происходящего, то апостолы сцепились, выясняя, кто из них больше, то они уснули в Гафсиманском саду, хотя Учитель просил их бодрствовать.

И вот теперь представьте себе, что некий хитрец сидит и выдумывает евангелия, чтобы создать новую религию. Зачем бы он стал выдумывать такие детали, которые явно не выгодны для новой религии, которые показывают слабость лучших ее представителей? Это все равно, что в рекламный ролик вставлять элементы антирекламы. Так не может быть в принципе. Эти невыгодные эпизоды могли появиться в евангелиях только в одном случае, если авторы считали правильным во что бы то ни стало держаться правды, даже такой правды, которая явно работала против них.

В пользу подлинности евангелий говорит наличие в них множества исторических деталей. Если предположить, что некий выдумщик в III веке решил написать о событиях I века перед ним встало бы множество неразрешимых проблем. Как он мог установить хотя бы то, кто был прокуратором в Иудее 200 лет назад? Это сейчас мы сначала пойдем в библиотеку, заглянем в Интернет, изучим эпоху, а уже потом начнем врать. Впрочем, и сейчас большинство врунов типа Дэна Брауна не удосуживаются изучить эпоху и несут откровенную ахинею. А тогда публичных библиотек не существовало, исторические труды были не многочисленны, для большинства недоступны, а самое главное – они не отражали тех бесчисленных исторических деталей, которые так важны для воссоздания колорита эпохи. Лжец III века вряд ли смог бы узнать даже имя Понтия Пилата. А в евангелиях очень много исторических имен, подлинность которых была проверена и удостоверена значительно позднее, в III веке их помнить ни кто не мог, а древние документы были практически недоступны. Да и зачем людям, которые решили "придумать новую религию", совершать невозможное, разыскивая древние документы, если потом они будут обращаться к безграмотным массам, которые все равно не смогут поймать их на вранье?

Итак, евангелия могли быть написаны только современниками событий, иначе в них не могло быть такого количества точных исторических деталей.

Еще один момент, доказывающий правдивость евангелий – их авторы ни когда не описывают то, что не видели своими глазами, хотя представьте насколько выигрышно было бы описать, например, Воскресение Христово. Ведь это центральный эпизод евангелий, это фундаментальный факт, на котором держится все христианство. Автор фальшивки обязательно бы описал Воскресение во всех деталях, у него просто не было ни одной причины отказываться от этого описания. Так почему же евангелисты не описали самого главного? Да потому что они его не видели, и ни кто не видел, а выдумывать они не хотели.

К слову сказать, я где-то встретил это описание Воскресения. Десятка, некий еврей, ненавидевший учеников Иисуса и опасавшийся, что они ночью похитят тело Учителя, не надеясь на римскую стражу, засел в засаду недалеко от гроба и вот ночью он увидел, как отвалился камень от Гроба Господня, и разлился свет, и Иисус в сиянии покинул гроб. Замечательное свидетельство, не правда ли? Но я ему не верю. Мне бы очень хотелось, чтобы это свидетельство было правдой, но я чувствую в нем фальшь. Слишком уж от него отдает желанием восполнить пробел евангелий. Говорят, что тот еврей стал христианином, тогда почему его свидетельство не стало среди христиан общеизвестным, почему не вошло в канон? Евангелист Лука поработал, как хороший журналист, собирая свидетельства очевидцев. Почему бы и это свидетельство ему не включить в свое евангелие, если оно не вызывало сомнений среди христиан? Но, видно, это просто позднейшая благочестивая выдумка. А христиане всегда были людьми трезвомыслящими и не торопились верить каждому встречному, даже если очень хотелось.

Евангелия буквально дышат подлинностью. Мы слышим голоса людей, старающихся все пересказать с максимальной точностью и ни чего не упустить. Поверьте мне, я знаю, как выглядят подделки и фальшивки. Совсем не так, как выглядят евангелия. Всем своим существом я чувствую их подлинность.

Евангелистов и до сих пор постоянно пытаются поймать на вранье. Недавно в Израиле от двух экскурсоводов слышал, что царь Ирод ну ни как не мог отдать приказ об истреблении

младенцев, потому что умер в 4 году до Рождества Христова. А им бы следовало знать, что летоисчисление от Рождества Христова придумал Дионисий Младший в VIII веке и дату рождения Господа он установил с ошибкой лет на 8, по крайней мере, на несколько лет. Это грустный, но теперь, уже бесспорный факт – наше летоисчисление основано на ошибочной дате. Если учесть эту погрешность, получается, что царь Ирод умер уже после рождения Христа, и рассказ об истреблении младенцев таким образом поставить под сомнение не удастся. Передавайте привет израильским умникам.

Торжество православия

Надо еще рассказать, почему я не пошел ни к католикам, ни к протестантам. Честное слово, мне мало того, что православие – вера моих предков. Я мог бы выбрать вариант христианства нетрадиционный для моей страны и моего народа. Сама по себе эта мысль меня ни сколько не пугает. Не так еще чудил. И я остался в православии не потому что оно привычнее, а потому что оно лучше.

Хотя соблазн католицизма – очень серьезный, очень реальный соблазн. Русские приходят в католицизм чаще всего через увлечение западной культурой, а меня западная культура всегда очень увлекала. Латынь для моего слуха звучит, как музыка. Глядя на готические соборы, я чувствую, как замирает сердце. Рыцарство для моей души драгоценно. Но мы должны понять главное: католицизм – не просто христианство, преломленное через призму иных культурных традиций. Католицизм – это ересь. Ересь – это искажение догматов. Догматы – истины, отражающие суть нашей веры. У католиков другое, отличное от православия вероучение.

И вот тут мы упираемся в перегородку, прошибить которую собственной головой нет никакой возможности. Полагаю, что даже иные сильные умы не смогут самостоятельно определить, какая догматика лучше – православная или католическая. Тут мы очевиднейшим образом лишены возможности сделать осознанный выбор. Взять хотя бы знаменитую католическую ересь – филиокве. Это утверждение о том, что Дух Святой исходит не только от Отца, как считают православные, но и от Сына. Католики считают, что это их добавление к "Символу веры" углубляет христианское представление о Святой Троице, православные полагают, что это существенное искажение истины. А на ваш взгляд? Пораскиньте мозгами. Не хотите? Вот и я не стал.

У католиков там еще много интересного. Они, например, считают, что Дева Мария безгрешна. Православные считают, что это ересь. Они считают, что кроме ада и рая существует чистилище. Православные считают, что это ересь. Всего в католицизме около полусотни таких утверждений, которые мы считаем ересями, а католики – безупречными истинами, которые православные не желают принять лишь из ослиного упрямства. Так чью же сторону принять? Неужели мы сможем самостоятельно разобраться в вопросах, о которые ломали мозги величайшие христианские мыслители?

Мне кажется, человек, который станет сравнивать и оценивать православную и католическую догматику, уже без пяти минут еретик. Если он такой самостоятельный, ему наверняка что-нибудь не понравится и у тех, и у этих. Таков путь лютеров и кальвинов, но не наш.

Итак, существуют ли объективные критерии, опираясь на которые, мы можем утверждать, что православная догматика безупречна, а католическая – ущербна? Да, существуют. Эти критерии лично я нашел в области истории христианской мысли.

Основные догматы были сформулированы на семи вселенских соборах (IV-VIII века). Все, что приняли эти соборы в борьбе с ересями было согласно утверждено как западной, так и восточной церквями. Догматика вселенских соборов – это наша западно-восточная сумма. Согласившись на это, мы были едины. Так вот православные до сих пор придерживаются дог-

матики семи соборов, не прибавив к ней ни одной запятой, а католики ввели много новых изобретений.

Православные – не на восточной точке зрения, а как раз на западно-восточной, то есть на универсальной. Католики на чисто западной точке зрения. Православные после VII вселенского собора ни каких новых догматов не изобретали, католики наизобретали полсотни. Принципиально неправильно считать, что в XI веке наши церкви разошлись в разные стороны. Нет, православные продолжают движение по той самой прямой, по которой мы раньше двигались вместе с Западом, а Запад отклонился в сторону.

Это не оценочное суждение, это исторический и богословский факт, с которым в принципе не спорят и сами католики. Они при всем желании не могут назвать нас еретиками и ни когда не называют, потому что знают: у нас ни один догмат не искажен. Они называют нас схизматиками, то есть раскольниками, на том основании, что мы не желаем подчиняться римскому папе. Вот по сути единственный католический упрек в адрес православия. Мы заморожены вопросами веры, а они – вопросами власти. Теперь уже легче выбрать?

Оставаясь в православии, я не становлюсь еретиком даже с католической точки зрения. А вот, перейдя в католицизм, я стану еретиком не только с восточной, но и с западно-восточной точки зрения, какой она была на момент завершения вселенских соборов.

В Православной Церкви я вместе и со св. Патриком, и с бл. Августином, и с римским папой Львом Великим, потому что все они – православные. У меня не возникает необходимости противопоставлять себя великому православному Западу.

Сегодня многие наши соотечественники поддаются соблазну протестантизма, уходят в различные протестантские общины, чаще всего – к харизматам. Я этого соблазна никогда не испытывал. Действующий ныне в России американизированный протестантизм дышит такой вопиющей безвкусицей, что я чувствую от него просто рефлекторное отторжение. Их безвкусица во всем – в слащаво-графоманских текстах религиозных песнопений, в проповедях, рассчитанных на интеллектуальный уровень неандертальца, в религиозных шоу, не сделавших бы чести самому зачуханному любительскому театру.

Но дело, конечно, не в этом. Если бы у наших протестантов была правда, их убого-фальшивую эстетику пришлось бы потерпеть. То что в православной эстетике идет от XVIII века мне тоже не очень близко, но ведь терплю же. Так что давайте не будем судить по поверхности, а обратимся к главному. Главное же в любой религии – сотериология, то есть учение о спасении души.

Что надо сделать для того, чтобы спасти душу, то есть по-простому говоря, чтобы после смерти было хорошо? Если вы спросите об этом православных, они ответят вам... целой библиотекой. Даже если наши дадут короткий, концентрированный теоретический ответ, вы поймете, что на практике все очень не просто. Спасение души – до чрезвычайности сложная творческая задача. Впрочем, к православной сотериологии мы еще вернемся, а пока спросим о том же самом протестантов.

Они ответят, что для спасения души надо поверить в то, что Иисус Христос есть Сын Божий. Если ты поверил в Христа, если ты принял Его, значит ты уже спасен, твое имя автоматически заносится в "книгу жизни", то есть после смерти место в Царстве Небесном тебе уже гарантировано.

Просто? Нет, не просто. Примитивно. Религиозное легкомыслие протестантов более, чем поразительно, от него душа содрогается. Оказывается, для спасения души ни чего не надо делать. Надо верить. Вера спасает. Хорошо, верю. А дальше что делать? Что делал, то и делай. Деньги делай.

Последние слова – отнюдь не шутка. Протестанты действительно считают, что богатство – первый признак любви Божией. Если Бог дал тебе много денег, значит Он тебя любит. Пред-

ставители одной из протестантских общин говорили: "Вы посмотрите, наш пастор – человек небедный, трехэтажный дом себе построил, значит он настоящий верующий».

Не хочу даже с этим спорить. Мне кажется, любому нормальному человеку понятно, что такое с позволения сказать «богословие» – признак полного нравственного разложения. Поэтому я не принимаю протестантизм. Это такая религиозная система, которая практически устраняет религию из жизни человека. Если я принял Христа, как своего личного Спасителя, значит место в раю для меня уже забронировано, то есть спасение души перестает быть для меня задачей, и я могу полностью отдать себя земным делам.

Говорят, что протестантская деловая этика весьма способствовала развитию капитализма на Западе. Логично. Говорят, еще, что в России именно православие тормозит развитие капитализма. Проще говоря, из-за православия у нас ниже уровень жизни. Возможно, не без этого. Только, господа, цыплят по осени считают. А осень наступит тогда, когда душа разлучится с телом. Уверен, что тогда протестантов ожидают очень неприятные сюрпризы. Если ты не решаешь задачу, полагая ее уже решенной... жди проблем.

Неправославный православный

А надо ли вообще выбирать между различными направлениями христианства? Может быть, в каждом из них есть что-то хорошее, они дополняют друг друга и каждому лучше оставаться в той религиозной традиции, в которой он родился? А может, вообще не надо ни каких традиций? Верить в Бога и достаточно? Есть такая точка зрения.

Как-то одна моя знакомая сказала: «Я христианка, но ни к какой конфессии не принадлежу, не считаю это нужным. Я признаю 10 заповедей и считаю это достаточным, потому что заповеди – от Бога, а остальное придумали люди». Я ответил: «Если вы признаете только 10 заповедей, то вы на самом деле исповедуете не христианство, а иудаизм. Эти заповеди были даны Богом еще Моисею на горе Синай. Воля ваша, но зачем тогда называть себя христианкой?»

Это очень простой случай неразвитого, примитивного религиозного сознания. Если человек не знает, когда и откуда появились 10 заповедей, значит религия его вообще не интересует. Но бывают случаи и по сложнее.

Служил у нас в Вологде архиепископ Михаил (Мудьюгин). Это был человек очень развитый, опытный, умный, хорошо образованный. Когда ему было уже 80 лет, ясности его мышления могли молодые позавидовать. Я познакомился с ним незадолго до того, как он оставил вологодскую кафедру. Сам я тогда очень мало понимал в православии, но душа горела, хотелось писать о вере. И вот в разговоре с ним я пренебрежительно отозвался о протестантах, которым, по-моему убеждению, необходимо «противостоять». И тогда владыка, умудренный старец, счел необходимым меня на сей счет просветить. Он сказал, что с представителями других религий «нам почти не о чем спорить», у многих из них «очень высокий уровень религиозного сознания», например, у иудеев. Что же касается представителей других христианских конфессий «с ними нам вообще не о чем спорить».

То, что заковычено, привожу абсолютно дословно. Все это я слово в слово помню 20 лет. А тогда я был ошарашен и обескуражен, только и смог, глядя в стол, растерянно проговорить:

– Но как же, владыка, ведь сказано же: «Кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец».

– Это правильно сказано, – умудренно улыбнулся владыка, – но и у них церковь истинная, и у нас истинная.

Этот разговор был одним из тех толчков, которые побудили меня детально разобраться как в различии религий вообще, так и в различии христианских конфессий в частности. Слова владыки и тогда мне не понравились, а сейчас я могу уверенно сказать, что он ошибался. Он ошибался страшно, трагически, катастрофически.

То, что православие, католицизм и протестантизм существуют в разных обрядовых вариантах, имеют различные внешние формы благочестия – это действительно имеет мало значения, об этом и правда нет смысла спорить. Суть каждой религии – сотериология, а три различные направления христианства имеют принципиально различные непримиримые представления о спасении души.

Протестанты, как мы уже говорили, считают, что для спасения достаточно веры во Христа. Католики, полемизируя с ними, утверждают, что для спасения необходимы добрые дела, они и есть «пропуск в рай», одной веры не достаточно. Православные утверждают, что для спасения необходимо очистить душу от греховных страстей. Вера, конечно, необходима, но не достаточна. И «бесы веруют и трепещут». Добрые дела тоже необходимы, но тоже недостаточны. Даже законченный негодяй может творить добро, если будет знать, что ему это выгодно. Главное – не внешнее, а внутреннее. Не очистив душу, ты не сможешь после смерти пребывать со Христом, потому что Царство Небесное будет для тебя чужеродной средой. То есть православие предписывает тяжелейшую, сложнейшую работу над собой.

Неужели не понятно, что эти три сотериологии взаимоисключающие, тут надо выбирать, тут невозможно избежать выбора. Тут слова «все по-своему правы» звучат не просто абсурдно, но издевательски. Либо веры достаточно, либо нет. Либо добрых дел достаточно, либо нет. Либо совершенствование души обязательно, либо нет. Эти три концепции невозможно принять одновременно. Правильно указывает путь в Царство Небесное только одна из них.

А владыка Михаил, умнейший и образованнейший человек, он же все это знал. Как же он мог говорить то, что говорил? Я все ни как не мог понять, как устроена его голова, что у него в душе? И вот уже после смерти владыки протоирей Василий Павлов (ныне так же покойный) открыл эту тайну. По словам отца Василия владыка Михаил придерживался протестантского взгляда на этот вопрос, то есть считал что веры для спасения достаточно. Значит, г-н Мудьюгин все-таки сделал свой выбор. Он говорил о том, что «все церкви одинаково полезны», а на самом деле придерживался протестантской концепции. Не давила ли ему после этого на грудь панагия православного епископа? Не знаю. А, возможно, и ни кто не знает.

Отец Василий вспомнил один очень щемящий диалог с владыкой. Однажды, последний сказал ему, что хотел бы пострадать за Христа. Отец Василий по этому поводу иронично заметил: «Владыка, вы же не сомневаетесь в спасении своей души, однако, считаете не лишним так же и пострадать?» Владыка помолчал и задумчиво ответил: «Считаю не лишним».

Этот диалог дышит страшной подлинностью и такой пронзительной тоской, что просто слеза набегает. Мне показалось, что я почувствовал весь внутренний трагизм религиозного сознания владыки. Что-то очень православное было глубоко запрято в его протестантской душе. Зачем человеку страдать, если он уверен, что его душа и так спасена? Бессмыслица. И вдруг из самой глубины сердца тихо выходят эти страшные и трагические слова: «Считаю не лишним».

Зачем он так мудрил? Почему не хотел принять истину православия всю целиком, безо всяких исключений? До чего же сильны эти демоны ложного миролюбия, побуждающие назвать еретика единомышленником. Человек вроде бы смиряет себя, утверждая, что чужие убеждения не хуже его собственных, он усматривает в этом путь по всеобщему примирению. На самом деле он провозглашает равноправие истины и лжи. Не желая обижать заблуждающегося, он попирает истину.

Обижать и правда ни кого не надо. Если я говорю, что моя вера – истинная, а вера вот этого человека – ложная, я не говорю, что я лучше его, вполне допускаю, что он лучше меня. И я могу любить этого человека, он может быть моим другом. Но еще язычник Аристотель вполне был способен подняться до понимания того, что надо разделять отношение к человеку и его убеждениям: «Платон мне друг, но истина дороже».

Я не судья владыке Михаилу. Но не хотел бы я оказаться на его месте. И ни кому бы этого не пожелал.

Попутно тут возникает еще один вопрос – о нашем отношении к иерархии. Кто-то из отцов церкви сказал: «Следите за тем, православно ли проповедуют ваши епископы, а в остальном находите у них в послушании». Задумайтесь, какой тяжелый долг возлагается на мирян: следить за православностью своих архиереев. Это ж надо самому во всем разобраться. Да, надо. А иначе встретится на вашем церковном пути такой вот архиепископ Михаил, и вы будете слепо доверять его словам, и вместе с ним предадите православие. Вы не считаете для себя возможным разобраться в богословских тонкостях, вам проще «все делать так, как батюшка сказал»? Помогите вам Бог. Не сомневаюсь, что Бог поможет вам остаться в церковной ограде. Вы только поймите, что это очень важно.

Зачем нужна догматика?

А догматика? Настолько ли действительно важны различия в тонких, умозрительных догматических вопросах? Ну, мы же все христиане. Мы признаем один и тот же «Новый завет», там же ясно сказано, как жить. Стоит ли мучить себя едва уловимыми оттенками догматических формулировок? Одна ли во Христе природа – божественная, или две – божественная и человеческая? Если две, то в каких отношениях они находятся? А ипостась у Христа одна или две? А воля одна или две? Чем отличаются друг от друга и от православных монофизиты, монофелиты и несториане, имеющие по этим вопросам различные суждения? Не идет ли тут речь о таких богословских тонкостях, которые вообще не имеют ни какого реального значения, то есть не оказывают влияния на самое главное – на спасение нашей души? Зачем на вселенских соборах с таким ожесточением спорили об этих тонкостях, хотя прекрасно понимали, что земной разум все равно не может постичь эти предметы до конца? Не пора ли прекратить эти споры? Не пора ли перестать разделяться из-за их результатов? И не заявить ли наконец о полном единении и согласии с монофизитскими церквями Эфиопии, Армении и Египта?

Нет, никогда. Так почему же православные так упираются из-за незначительных, казалось бы, расхождений по таким вопросам, которые и понять-то способны лишь немногие? Да потому что мы знаем некоторые законы духовного мира. Мы можем вообще не понимать, как именно эти законы работают, но мы твердо знаем, что действуют они неумолимо. Маленькое, казалось бы, незначительное отступление в отвлеченном умозрительном вопросе, рано или поздно приведет к духовной и нравственной катастрофе.

Вспоминаю свой разговор со следующим вологодским архиереем, владыкой Максимилианом. В частной беседе он однажды спросил меня:

– Как вы думаете, что первично, догматические отступления или нравственные?

До сих пор не могу понять, как я умудрился навскидку дать очень неожиданный для меня самого ответ:

– Этот вопрос, владыка, равен вопросу о том, что было раньше, курица или яйцо?

Владыка немного помолчал, потом внимательно посмотрел на меня и, понимающе улыбаясь, кивнул. Мы поняли друг друга без слов. С тех пор, вспоминая этот диалог, начинаю блаженно улыбаться. Постараюсь выразить словами безмолвную часть нашего разговора.

Я сразу понял, что владыка хотел сказать: искажения догматов влекут за собой нравственные искажения, ересь порождает безнравственность. И это воистину так. Но все чуточку сложнее. Желание исказить догмат тоже само по себе ни откуда не берется, оно уже является следствием некоторых нравственных искажений. И вот теперь поди разберись, что было в начале.

Ересь и безнравственность диалектически переплетены, являясь по отношению друг к другу то причиной, то следствием.

Вот пример. Зачем католики ввели «филиокве» – еретическое искажение догмата о Святой Троице? Ведь они же, начиная с первого вселенского собора, несколько столетий строго держались никео-цареградского символа, всегда сами утверждали, что символ веры, соборно выраженный и позднее принятый соборным разумом Церкви, ни каким изменениям и улучшениям не подлежит. И вдруг неожиданно с Запада прозвучало: «А мы тут немножко подправили. По нашему суждению, отношения между Лицами Святой Троицы несколько иные». Веками Церковь считала, что Дух Святой исходит от Отца, а они вдруг говорят: «Не только от Отца, но и от Сына». Что с ними случилось? Впали в грех интеллектуальной гордыни. Горстка умников поставила свое мнение выше суждения Церкви.

Но вроде бы ни чего страшного не произошло? Это такой тонкий теоретический вопрос, который для широких церковных масс вообще не имеет значения, да не очень-то и понятен простым верующим. Вот только потом на Западе откуда-то взялась слишком примитивная, слишком юридическая, а следовательно искаженная сотериология. Но и опять вроде ни чего страшного. Для спасения души человек должен совершать добрые дела. Звучит вполне респектабельно, вполне нравственно. Но еретическое сознание, однажды уклонившись от истины, потом уклоняется от нее все больше и больше, логически развивая свои заблуждения.

Из теории «спасения делами» появляется теория «сверхдолжных заслуг». Логика такая: если для спасения нужны дела, то не трудно предположить, что достаточно определенного количества добрых дел. А святые совершили добрых дел гораздо больше, чем необходимо для спасения. Было бы обидно, если бы эти избыточные добрые дела, «сверхдолжные заслуги», пропали понапрасну, ведь кому-то не хватает. Если, скажем, входной билет стоит 100 рублей, при этом у одного в кармане 120, а у другого 80 – первый поделится, и оба пройдут. Так и святые, очевидно, не против поделиться добрыми делами с нами, грешными. А кто будет перебрасывать добрые дела со счета на счет? Самый главный, то есть римский папа. Ну, разумеется, за скромное добровольное пожертвование. Вот так появились индульгенции – самая омерзительная, совершенно безнравственная и откровенно антихристианская практика, какую только породила латинская ересь.

Нам очень трудно проследить логическую цепочку, которая связывает филиокве и индульгенции, но эта цепочка существует, одно вытекает из другого. Вот какое огромное практическое значение постепенно приобретают «незначительные теоретические расхождения». А, казалось бы, что страшного в филиокве? Всего лишь усилили роль Второго лица Святой Троицы. Вот только, усилили ее за счет Третьего лица, умалив роль Святого Духа. А в итоге получилось, что спасение души уже не есть дело Святого Духа, это вопрос, который решается деньгами.

Вы скажете, что Рим давно уже не торгует индульгенциями? Разумеется. На еретической почве вырос сорняк настолько отвратительный, что его таки удалили. Но почва осталась еретической, и она породила другие сорняки, которым нет числа. Например, догмат о непогрешимости римского папы (1870), из которого следует, что папа имеет право единолично вводить или отменять любые догматы. То есть вероучительное значение папской буллы равно определению вселенского собора.

В определениях соборов отцы писали: «Изволилося нам и Духу Святу». Таково православное учение в том, что соборные определения продиктованы Духом Святым. Католикам это не надо. По их суждению, Дух Святой действует через папу. Вот тебе, бабушка, и филиокве. Сначала они принизили роль Духа Святого, а потом объявили одинокую фигуру римского понтифика самым надежным Его вместилищем. Это ужасно.

Кстати, протестанты, вышвырнув из католицизма половину его содержания, филиокве все же заглотили, очевидно, и внимания на него не обратив. В итоге сейчас они говорят, что

богатство – показатель праведности. Чем больше нулей на банковском счете у человека, тем уютнее Богу этот человек. Приехали.

Итак, мы можем не понимать значения догматов, но мы должны понимать, что значение это огромно настолько, насколько огромна разница между различными направлениями христианства.

Таков мой личный опыт обоснования истинности православной веры. Когда я это писал, у меня за спиной была приличная православная библиотека, но я ни разу не заглянул ни в одну из книг, чтобы подтянуть дополнительную информацию или укрепить свои конструкции цитатами. Не из лени, поверьте, что во всех остальных случаях я не ленюсь это делать. Прежде, чем что-то писать я обычно долго и основательно конспектирую необходимую литературу. Сейчас- не стал. Мне хотелось, что бы сюда попало только то, что уже есть во мне, то что есть часть меня. Нет таких вместительных гробов, чтобы уложить туда библиотеку. А то, что сюда попало, пребудет со мной в вечности.

Это не богословская работа, для таковой у меня недостаточно знаний. Это тем более не проповедь. Не считаю себя имеющим моральное право обращаться к кому-либо с проповедью. Это из разговоров на кухне. Из «бессмысленных и беспощадных» разговоров на кухне. Это то, о чем я говорил бы, если бы мы встретились.

Как-то одна протестантка спросила меня: «А почему вы, православные, думаете, что только вы правы?» Я немножко вспылал: «Мы думаем, что мы правы, потому что мы думаем. Много думаем».

На короткие и простые вопросы редко можно дать столь же короткие и простые ответы. Ну а сейчас я наконец сказал все, что имел сказать. Наконец-то меня ни кто не перебивал.

На этом я хотел закончить, но ведь вопросы по-настоящему еще только начались. Те вопросы, которыми терзали меня, те, которыми я сам себя терзал. Те вопросы, которыми действительно имеет смысл терзаться.

Часть II. Пограничные вопросы Что дает вера?

Как-то меня спросили: «Что дает тебе вера?» И я опять вспылал: «Ни чего не дает. В том смысле, в каком вы спрашиваете, вера не дает мне ровным счетом ни чего. Одни только дополнительные проблемы и неприятности».

Я сказал неправду. Но не из вредности. Просто того, что дала мне вера, вопрошавшие ни когда и не хотели, а того, что они хотят, вера не дает.

Бабушка одна как-то сказала: «Ну вот сходила в церковь, поставила свечку, а что толку?» Она не получила от веры то, что хотела. А хотела она решения либо медицинской, либо жилищной, либо еще какой-нибудь бытовой проблемы. Проблема осталась не решенной и деньги, потраченные на свечку, пропали понапрасну. Бабушка сделала вывод: «Это не работает. Это неэффективно». И это был очень правильный вывод.

Было дело, я с огромным нервным напряжением ждал, когда мне дадут квартиру. Могли и не дать. Мне советуют: «Сходи в церковь, поставь самую дорогую свечку» (Тогда самые дорогие свечки в церкви были по рублю). Я ответил по-хамски: «Не имею надежды получить квартиру за рубль». Не стоило обижать человека, который желал мне добра, но я был уверен, что со свечкой – не работает. И вряд ли я ошибался.

Если кто-то ждет от Церкви решения земных проблем, он может быть очень разочарован. Православие существует не для того, чтобы помочь нам поудобнее устроиться в этом мире. Другие религии порою настолько явно настроены на решение проблем нашего бытий-

ного плана, что их и религиями-то трудно считать. А православие – нет. Оно помогает нам обустроиться в мире ином, а в этом мире порою лишь создает нам дополнительные проблемы. Путь к Богу очень труден. У тех, кто по этому пути не идет, трудностей иногда бывает гораздо меньше.

Но ведь в Церкви можно молиться о вполне земном здоровье? Да, конечно. Таинство соборования, например, кроме прочего призвано положительно воздействовать на здоровье. А можно и молебен о здравии заказать, можно на литургию подать записку. Но вот ведь какая штука – Церковь не гарантирует вам результата. Ни один священник не пообещает вам, что после совершения таинств и церковных молитв больной обязательно пойдет на поправку. Мы уверены только в одном – совершится воля Божия. Если Божья воля в том, что бы больной умер – он умрет, если в том, чтобы он продолжал болеть – он будет продолжать болеть. И ни какие наши молитвы о выздоровлении не окажут на процесс болезни ни какого воздействия. А в чем Божья воля, мы ни когда не знаем.

Еще мы твердо уверены в том, что Бог всем нам желает высшего блага и дает нам только то, что полезно для нашей души. Порою болезнь полезна для души, и тогда мы будем болеть. Но порою для души полезно выздоровление, и тогда Бог вернет человеку здоровье. По моему суждению, именно этим объясняется большое количество исцелений при мощах святых, у чудотворных икон и т.д. Бог возвратил этим людям здоровье не потому что наше телесное здоровье само по себе ценно. Наше здоровье – это тлен, это пыль на ветру. Но эти исцеления были полезны для души, во всяком случае – потенциально полезны. Они даровали или укрепляли веру, они побуждали исцеленных возносить благодарственные молитвы к Богу, то есть укрепляли связь с Богом. Телесные исцеления способствовали решению отнюдь не телесных, а духовных проблем, и только в этом их значение.

Святые люди порою десятилетиями страдали тяжелыми недугами. Бог не даровал им здоровья, им было полезно болеть. И у них было достаточно духовных сил для того, чтобы выдерживать болезнь, обращать ее себе на духовную пользу, не впадая в отчаяние. В общем-то для любого из нас болезнь полезнее здоровья, но не любому по силам извлечь из болезни духовную пользу, а Господь знает, сколько у нас сил.

Как-то сказал одному своему знакомому о том, что недавно ездил в Дивеево. Меня весьма озадачила его реакция, он сразу же спросил: «Помогло?» А я ведь ни слова не сказал о том, зачем туда ездил, но он ни на секунду не усомнился, что за исцелением. У меня действительно и тут болит и там болит, но у мощей преподобного Серафима мне, признаться, и в голову не пришло просить об исцелении. Нельзя относиться к вере так утилитарно, потребительски. Церковь – не поликлиника.

Но вот однажды ближе к ночи у меня сильно заболел зуб, а надо сказать, что в этой жизни я более всего боюсь двух вещей – зубной боли и стоматологов. Боль все нарастала, суля хорошо известный кошмар, и тогда я взмолился из глубины грешного сердца: «Господи, сделай так, чтобы эта боль прошла. Ну не готов я сейчас, не по силам мне это. Господи, помоги!» И боль прошла. Я сладко засыпал, благодарный, умиротворенный и опозоренный.

На следующий день я смеялся над собой: «Зачем же ты молился о том, чтобы боль прошла? Что же ты отнесся к вере так утилитарно, потребительски? Начал Бога тревожить по пустякам, а ведь должен был терпеть во славу Божию». Да, той ночью по моей богословской концепции был нанесен сокрушительный удар.

Это был замечательный урок для меня. В мои мысли, по сути – верные, вкралось слишком много высокомерия. Не надо считать людей, которые молятся о здоровье, пребывающими на низшем уровне религиозного развития. Все мы люди, нам порою бывает так тяжело... А разве не тяжело смотреть на то, как страдает от болезни близкий человек и разве грешно молиться о его выздоровлении? Нет, конечно, не грешно. Бог не против таких молитв. Лишь бы только укреплялась наша связь с Богом – через болезнь или через исцеление.

С одной стороны, какой смысл молиться о земном, если Бог и так знает, что именно нам полезно, и даст Он все равно не то, о чем мы просим, а то, что будет нам на благо. Лучше бы нам вообще ни о чем не просить Бога, а молитвы возносить только покаянные и благодарственные. Но вы вспомните моление о чаше. Сам Господь дал нам пример просительной молитвы. Только мы не должны забывать, как и Он, добавлять: "Но не моя воля, а Твоя да будет". Впрочем, сказать эти слова легко, трудно воспитать в душе готовность принять Божью волю, какой бы она ни была. Легко ли благодарить Бога за болезни, страдания, трудности? А надо. Это и есть православие.

Вы хотите болезней, страданий, трудностей? Добро пожаловать в Православную Церковь. Это я все пытаюсь ответить на вопрос, что дает мне вера. Вот это все и дает. Помните, я рассказывал о женщине у которой все болезни прошли, когда она пришла в индуизм, но когда она пришла в православие – все болезни вернулись? В чем тут мораль? В том, что хорошее – трудно, а плохое легко. На пути к сокровищу всегда много препятствий, а если вы не встречаете препятствий, то задумайтесь, к сокровищу ли вы идете?

Православие – такая трудная вера, что и не передать. Иногда говорят, что люди приходят в Церковь в поисках успокоения. Ох, не знаю... Церковь говорит нам, что "и святые едва спасутся". А мы-то знаем, что мы не святые, как же нам-то надо жилы рвать, чтобы спастись. У православных постоянное ощущение того, что они делают недостаточно для спасения души. За успокоением, наверное, лучше обращаться к протестантам. Они пляшут, бьют в ладоши и поют: "Как хорошо, что спас меня Иисус!" Вот где спокойствие. А мы знаем, что Господь дал нам только надежду на спасение. Пребывая в Церкви мы можем очень даже легко погубить душу. Какое уж тут спокойствие. Постоянная тревога, постоянные укоры совести, постоянные самоограничения. Да одни наши службы на ногах чего стоят. А кто не выходил с исповеди в слезах? И не всегда это бывают слезы облегчения. Хотите знать, почему православные плачут? Приходите к нам. Наплачетесь – узнаете.

Вы можете придти к экстрасенсу, и он гарантирует вам исцеление. Кстати, вполне возможно, что и не обманет. А если вы придете в Церковь – вам ни кто ни чего не гарантирует. Вы закажете освятить новую машину, и батюшка вам скажет: "Я машину освящу, но вы понимаете, что она завтра может сгореть? Причем, именно потому, что я ее освятил. Может быть, вам полезнее не иметь машины, чем иметь? Нет, не факт конечно, может быть с вашей машиной еще много лет все будет нормально. Причем, именно потому, что я ее освятил. Неизвестно".

И вот вы посмотрите, православных их Церкви палкой не выгнать. Так что же их там держит? Что дает им вера? "Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика". Скажу за себя.

С содроганием вспоминаю тот период своей жизни, когда я считал себя атеистом. Меня всегда угнетало ощущение полного отсутствия смысла в том, что с нами происходит. Ну родились, ну живем. Это очевиднейшим образом ни на что не направлено и ни к чему не ведет. В масштабах вселенной земная жизнь – не более, чем тонкий слой плесени, покрывающий одно из бесчисленных небесных тел. Интеллектуальные занятия казались мне такими же бессмысленными, как и тяжелый труд до седьмого пота. Искусство – столь же бессмысленным, как и стяжание материальных благ. Мне казалось, что все люди просто играют в игрушки, то есть придумали себе некие абсолютно бессмысленные занятия, лишь бы время убить. И в этом смысле гениальный писатель ни чуть не лучше безграмотного тракториста, просто у них игрушки разные. Все "смыслы жизни" держатся на самообмане, люди просто договорились считать свои занятия имеющими смысл, чтобы не сойти с ума, и стараются не думать о том, что во всем их существование нет ни капли смысла. Почему люди так дорожат жизнью? Ведь если за гробом ни чего нет, значит еще ни один человек не пожалел об утрате жизни.

Атеисту вообще очень опасно думать о смысле жизни. Он либо начинает нести полную ахинею, либо впадает в тотальное отчаяние. У меня с ахинеей не получилось. Эта "теория

абсурда" и сейчас кажется мне вполне логичной и адекватно отражающей картину бытия, если устранить из нее Бога. Я ни когда не умел и не хотел обманывать себя, то есть с отчаянием у меня все было нормально.

Почему я не верил в Бога? Да просто потому, что ни чего не знал о религии. В эпоху государственного атеизма получить сколько-нибудь объективную информацию о религии было практически невозможно. Может быть, потому я сейчас это и пишу, что в моем религиозном выборе информация сыграла решающую роль, и я, наверное, переоцениваю эту роль, но это не удивительно, я всего лишь исхожу из личного опыта.

Мой атеизм рухнул, как карточный домик, едва я узнал, что Бог есть Дух, который наполняет собой всю вселенную. Первая мысль была: "Ну в таком случае, я могу верить в Бога". Понимаете, давно хотел, но не мог. Ну ни как я не мог поверить в старика, который сидит на облаке и управляет земными делами. Религиозные представления безграмотных старушек были антропоморфны, атеистическая пропаганда была именно по антропоморфизму, и я поневоле был вынужден встать на сторону атеизма, потому что он доказывал отсутствие человекообразного бога, которого и на самом деле нет.

И вот все прояснилось. Вышла наружу та правда, которую от меня скрывали. И весь мир до краев тут же наполнился смыслом. Не напрасно поют птицы. Не напрасно шумит морской прибой. Не напрасно человек строит дом. Не напрасно помогает ближнему. Человек созидает свою душу – нечто вечное, неразрушимое. Человек трудится в соавторстве с Самим Творцом Вселенной. Мы не тонкий слой плесени на случайном небесном теле в периферийной галактике. Мы – друзья Творца Вселенной. Он знает все про каждого из нас. Он любит нас, помогает нам. И Он приглашает нас к Себе, в царство высшего идеального совершенства. Наша жизнь – это путь к Нему. В этом ее смысл.

Вот что дает мне вера – ощущение смысла. Ощущение величайшего смысла, которым исполнено все, что происходит с нами и со мной. Православие – абсолютно универсальная идеология. Оно дает ответы на все без исключения вопросы. Оно объясняет, как надо вести бизнес, как надо воспитывать детей, какой должна быть государственная политика и многое другое. Православие – Богодарованная истина. Постичь ее целиком невозможно, но постигать ее – высочайшее счастье.

Что дала мне вера? Да все! Весь мир! Я теперь знаю, как это работает, как тут все устроено, а самое главное – зачем? Мне открыты высшие тайны бытия. А я всего лишь обычный, очень средний человек. И в духовном развитии я отстаю от большинства известных мне православных людей. У меня дух захватывает от мысли о том, что известно святым, если даже открытая мне крупица истины кажется безграничным сияющим миром.

Однажды на вопрос, что дает мне вера, я ответил вопросом: "А что дает вам закон всемирного тяготения?" Очевидно, ни чего. Закон просто надо знать и учитывать. Вы в курсе того, что, выпрыгнув из окна, полетите не вверх, а вниз. Закон ни чего не дает, это просто отражение объективной реальности. Но то, что вы знаете закон, и то что вы действуете с учетом этого знания, спасает вам жизнь.

Православие – свод объективных законов духовного мира. Православная Церковь – не клуб по интересам, членство в котором может что-то давать, а если нет, то вы выбираете другой клуб, или не вступаете ни в какой. Церковь позволяет нам жить в соответствии с теми законами мира, которые действуют совершенно независимо от нашего желания и одобрения. Абсурдно говорить: мне не нравится ваша вера, поэтому я ее не принимаю. Ну а мне, предположим, не нравится закон всемирного тяготения. Неужели от этого что-то меняется?

Если мы выбираем ту веру, которая нам нравится, значит мы просто выбираем себе хобби. Объективные законы реальности не выбирают. Их познают, открывают. А если мы говорим – мне этот закон не нравится, он мне ни чего не дает, я его не принимаю – последствия не замедлят сказаться.

Диалектический материализм глаголет, что "материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях". А вера это и есть те самые ощущения, которые отражают объективную реальность, только не материального, а духовного плана. В мире науки существуют различные теории, ученые спорят меж собой не о том, кому какая теория больше нравится, а о том, какая отражает объективную реальность. Различные религии это тоже различные теории, в той или иной мере отражающие, либо вовсе не отражающие объективную реальность. Бывают ошибочные религии. И если нам предлагают доказать, что наша религия действительно есть свод объективных законов мира, то это логично.

Если мне задают вопрос, который ставит под сомнение объективность моих убеждений, я не могу просто взять и отмахнуться от него. Я просто обязан допустить, что оппонент может быть прав, а я не прав. Меня спрашивают: "А с чего вы это взяли?" Что я должен ответить? "Мне так кажется"? Или "так в книжке написано"? Или "мне так священник сказал"? Или "я в это верю"? Тогда мне обязательно ответят: "Если кажется, то это галлюцинация. В других книжках написано прямо обратное. Послушали бы вы муллу, раввина или гуру – думали бы иначе. А верить может мальчик в то, что девочка ни когда его не разлюбит".

Сколько людей утратили веру, потому что столкнулись с умными оппонентами или такими фактами, которые не смогли объяснить, исходя из своей веры. Сколько людей, сверкая пятками, убегали от полемики, позоря свою веру, или на аргумент отвечали ударом в челюсть, позоря свою веру еще больше. Я не хочу оказаться в одной из этих позиций. Я ищу ответы. Иначе я не смогу дать достаточное удовлетворение моей честности.

Мне могут сказать: ты искал смысл и удовлетворил себя самообманом. Прежнюю ложь ты обменял на новую ложь, потому что в новой лжи тебе уютнее, комфортнее. Ты придумал себе смысл, потому что тебе этого очень хотелось. И что я отвечу? А я хочу ответить на все по пунктам.

Кому Церковь не Мать...

Однажды юморист Михаил Задорнов на вопрос о своем отношении к религии сказал: "В Бога верю, в посредников – нет". Сказал, как припечатал. Сила таких чеканных формул очень велика. Как-то маленький человечек забрался на трибуну и картаво прокричал: "Мир народам, фабрики рабочим, землю крестьянам". Россия после этого 70 лет умывалась кровью и слезами. Слова Задорнова еще разрушительнее. И вот ведь что печально: их невозможно опровергнуть так же коротко и впечатляюще. Для того, чтобы развеять чары "магии простых решений" приходится выражать мысли, которые куда сложнее магических выкриков. Но что же делать? Не молчать же.

Итак, главный вопрос: нужны ли человеку посредники для общения с Богом? Нет, не нужны! Любая чистая искренняя молитва уже соединяет человека с Богом. Эта молитва может выражаться в самых бесхитростных словах, она может быть произнесена на любом языке, не обязательно на сакральном, ее можно творить в любом месте, и Бог услышит и установится связь между тобой и Творцом вселенной.

Зачем же тогда нужны священники? Так дело в том, что это совершенно не посредники. Что такое посредник? Это такая фигура, минуя которую невозможно установить с кем-либо непосредственный контакт. Производитель товара не может отдать свой товар непосредственно в торговую сеть, он вынужден действовать через посредников. Человек с улицы не может, когда захочет, зайти в кабинет к губернатору, не может просто позвонить ему и догово-

риться о встрече. Он вынужден действовать через посредников: одни запишут или не запишут его на прием, другие потом в приемной пропустят или не пропустят его.

И вот теперь представьте себе, что вы идете к Богу, и у вас на пути стоит бабушка с растопыренными руками и ехидно заявляет: "Нет, чадо, со мной будешь договариваться. Если я не захочу, так ты к Богу ни когда не попадешь". И начинает этот зловредный поп ставить условия. И ни как его не объехать, не обойти. И Бог ни когда тебе не поможет, Он даже не узнает о твоём существовании, если не будет на то воли священника. Смешно, да? Вы над юмористом нашим посмейтесь.

Кажется, любому дураку понятно, что при обращении к Богу и для получения помощи от Бога священники при всем своем желании ну ни как не могут играть роль посредников. В чем же тогда роль священников? Это, условно говоря, лица уполномоченные Богом для оказания людям помощи.

Представьте себе такую ситуацию. Вы прямо с улицы заходите в царский дворец, проходите по всем коридорам и никто вас не останавливает, вы беспрепятственно попадаете в царские палаты, где вас ждет царь. Царь ждет вас в любое время, заранее о встрече договариваться не надо и в приемной толкаться нет необходимости. Вы излагаете царю свои проблемы, он говорит, что во всем вам поможет и эту помощь вы получите от его слуг. Вы идете к царевым слугам с грамотой от царя и получаете все, что вам велено дать. Разве слуги тут играют роль посредников?

Но вот представьте себе, что вы начинаете капризничать: "Я хочу все получить лично из царевых рук". На этот каприз вам резонно отвечают: "На то у царя люди поставлены". Вы не хотите идти к этим людям? Но ни кто бы так не стал выделываться в отношениях с царем земным. Почему же мы начинаем выделываться в отношениях с Царем Небесным? Неужели не понятно: кто презирает царских слуг, тот выражает презрение царю.

Таинство крещения открывает нам доступ ко всем другим таинствам, а в таинствах мы получаем дары Духа Святого. Это не бабушкины дары, а Божьи. Бабушка тут играет лишь роль служебную, техническую.

Конечно, некоторых бабушек иногда заносит, они начинают выставлять себя такими "распорядителями благодати". Помню, архимандрит Тит гневно обличал диакона Андрея Кураева, на что последний резонно ответил: "Благодать Божия безусловно не равна благословию бабушки Тита". Есть такая проблема. Иные царевы слуги, привыкшие оглашать царскую волю, постепенно перестают понимать разницу между собственным словом и словом царским. Но со Своими слугами Царь Небесный разберется Сам, на нас Он такую задачу не возлагает. И жаловаться Царю Небесному на Его слуг не надо, Он, в отличие от царя земного, всегда в курсе всех проблем. А мы в любом случае должны относиться к слугам Царя Небесного с почтением, потому что этим мы выражаем почтение к Царю.

Вы все-таки не хотите идти к священникам, вам интересно, нельзя ли спасти душу без таинств? Теоретически можно, практически – мало вероятно. Да и что это за безумие? Господь предлагает вам помощь на тяжелейшем жизненном пути. И то еще не факт, что вы сумеете разумно этой помощью воспользоваться, не факт, что даже с таинствами спасетесь. А вы спрашиваете: нельзя ли без таинств, без помощи? Мы такие крутые гиганты, что и так все можем. Сущее безумие.

Итак, мы приходим к Богу не через священников, а напрямую, а Бог посылает нас к священникам. А вот Задорнова он почему-то к священникам не послал. Ну тогда я сомневаюсь, что он разговаривал с Богом. Нам юморист говорит, что верит в Бога. Но я – таки думаю, что это не правда.

Спасутся ли иноверцы?

Помню, у митрополита Кирилла (ныне – патриарха) спросили в телепередаче: "Спасутся ли иноверцы?" Владыка улыбнулся и ответил: "Да откуда же я знаю". Меня, тогда ревностного неопита, до крайности возмутил этот ответ. Как же можно хоть на минуту допустить, что возможно спасение без Христа? Потом я много лет об этом думал, сопоставлял, сравнивал различные мнения и наконец понял, что владыка был прав. Единственный правильный ответ на этот вопрос: "Не знаю". Нам не известно, как рассудит Господь.

Начнем с вопроса полегче: могут ли спастись христианские еретики, католики, например, или протестанты, которых мы теперь стали ласково называть инославными? Тут главное, что надо понять: слово "еретик" уже означает "христианин", потому что иначе это был бы уже не еретик, а иноверец. Все, кто исповедует Христа, как Сына Божия – христиане. Православная Церковь признает крещение католиков и традиционных протестантов, то есть крещенных во имя Отца и Сына и Святого Духа. Итак, они для нас – христиане. Как же мы можем полностью исключить возможность спасения христиан?

Святитель Феофан Затворник мудро сказал по этому поводу: " Не знаю спасутся ли католики без православия, а я точно не спасусь". Человек, который видит свои грехи, хорошо понимает, что даже в православии спастись не так-то просто. Исповедание веры истинной – отнюдь не гарантия спасения души. Если же еще и веру исповедовать искаженную, то спасение психологически представляется уже и вовсе невозможным. Если, скажем, человек не уверен, что дойдет до цели с грузом в 20 кг, так спросите у него, дойдет ли он с грузом 40 кг? Он обязательно ответит: "Точно не дойду". Но спросите у него: "А другие смогут дойти с грузом в 40 кг?" Он ответит: "За других сказать не могу". А "не могу сказать" означает "не исключено возможности". Может быть, другие сильнее?

То есть, спастись в католицизме гораздо труднее, чем в православии, но все же возможно. Может быть, на душу иного католика полсотни ересей, которые есть в их вероучении, не оказали существенного воздействия, как-то они в нем не привились, оказались ему психологически не близки. Одновременно, здоровый и здравый компонент католицизма, то есть компонент собственно христианский, произвел в его душе большую работу. И кого мы имеем в итоге? Православного. А вот душа иного православного, напротив, чистоты нашего вероучения отнюдь не впитала, одновременно с этим в околоцерковной, псевдоправославной среде он нахватался мнений откровенно еретических, ни когда не бывших частью церковного учения, и вот эти-то псевдоправославные мнения определили характер его религиозности. Кого мы имеем тогда? Еретика.

Вывод напрашивается страшноватый, но бесспорный. Среди католиков есть настоящие православные, а среди православных есть суициды еретики. Значит, граница между Православной и Католической Церквю не отделяет с жесткой однозначностью еретиков от ортодоксов. Понимание этого должно побудить нас как минимум к большей осторожности в оценках.

Как-то я прочитал замечательную книгу Честертон. Это еретическая книга? Если судить по Аристотелю, только так. Силлогизм выстраивается безупречный. Честертон – католик, католицизм – ересь, следовательно, Честертон – еретик. Но в православии "Аристотель" частенько не срабатывает. Честертон проповедует не католицизм, а чистое христианство. Мне не удалось обнаружить в его книге ни каких признаков ереси. Возможно, некоторые отклонения от православия я у него просто не доглядел, у меня не самый зоркий глаз на свете. Вполне допускаю, что книга Честертон – не самый чистый образец ортодоксии. Но тогда у меня следующий вопрос: блаженный Августин – православный? Ну кто же в этом сомневается? Имя блаженного Августина мы находим в списке православных святых. Его "Град Божий" сейчас издают православные издательства. Он жил задолго до разделения Церквей, так от чего же он не православный? А дело в том, что в трудах блаженного Августина есть значительное количество очень серьезных богословских ошибок, причем таких, которые содержат зерна будущих католических ересей. Блаженный Августин – классический носитель того типа западного, латин-

ского мировосприятия, которое и породило католицизм. Но мы говорим по этому поводу: "Да, у блаженного Августина были ошибки, мы его ошибок не разделяем, но считаем его своим. Кто не ошибается?" Вполне согласен с этой точкой зрения, но ведь Гилберту Честертону, Франсуа Мориаку и Жоржу Бернаносу, то есть католическим авторам XX века, мы не простим и десятой доли ошибок блаженного Августина. Мы тут же возопим: ну вот же, смотрите, у них ересь просто из ушей прет. Нельзя православному человеку такое читать.

Так в чем же принципиальная разница между бл. Августином, св. Амвросием Медиоланским с одной стороны и Честертонем, Мориаком, Бернаносом – с другой стороны? Да в том, что одним посчастливилось умереть до разделения церквей, а другие родились уже после. А ведь книги их могут быть исполнены одного духа, то есть не совсем нашего, но все же нашего. Не факт, что это так, но надо разбираться, а не судить исключительно по формальному признаку.

А Бернара Клервосского допустимо ли считать святым? Формально – не допустимо. Какой он святой, если он еретик? Но вы прочитайте его житие, и вы увидите святого. Может быть, что-то в его житии покажется вам диким? И вы скажете: вот он, безобразный лик католицизма. А в житиях православных святых ни что и ни когда не казалось вам диким? Св. бл. князь Андрей Боголюбский разорил Киев со всеми его святынями. Св. бл. князь Александр Невский резал своих, чтобы угодить татарам. На ересь это невозможно списать, князья-то православные, значит надо их жестокость тонко объяснить с православной точки зрения. А жестокость Бернара Клервосского объяснять не надо, нам легко интерпретировать ее, как естественное следствие того, что он пребывал в католической ереси.

Я искренне считаю наших благоверных князей святыми, но я думаю, что к "чужим" надо относиться с таким же вниманием и пониманием, и тогда может оказаться, что значительная их часть вовсе не чужие для нас. На вопрос о том, был ли св. Бернар Клервосский святым, правильный ответ: "Не знаю". Нет у нас достаточных критериев для ответа на этот вопрос.

А иногда эти критерии есть. Католики, которые уже в XX веке приняли смерть за Христа в Индии – святые. Таковую смерть Господь дарует только настоящим христианам. Вы понимаете, что это значит? Католики-мученики принадлежали (и принадлежат!) к Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Сие бесспорно, ибо засвидетельствовано кровью. А ведь при их жизни многие православные ткнули бы в них пальцем – еретики. Сколько из "ткнувших пальцем" лишь формально православные, а по сути – еретики? Сколько еще своих среди чужих и чужих среди своих? Я отнюдь не уравниваю в достоинстве Православную Церковь и еретическое сообщество. Я лишь призываю к максимальной осторожности при оценке конкретных личностей.

Размышляя о последних временах, я как-то подумал, что при Антихристе уже не будет иметь значения, к какой именно из конфессий принадлежит христианин. Не будет больше ни православных, ни католиков, ни протестантов. Останутся лишь сохранившие верность Христу и предавшие Христа. Даже догматические различия, которые я считаю сверхважными, тогда уже не будут иметь значения. Ведь искажения догматов страшны не столько сами по себе, сколько тем, что в перспективе проводят к страшным искажениям духовности. Но когда всей земной перспективы останется на год – два, можно будет позволить себе роскошь уже не думать об этом. Тогда появится абсолютный, бесспорный критерий того, чью душу ересь изуродовала, а чью так и не смогла, кто и в еретическом сообществе сохранил внутреннюю верность Церкви.

Я убежден, что среди сохранивших верность Христу, большинство составят православные, но будут там и католики, и даже протестанты. Антихрист вытянет к себе, к своему престолу, всю гниль из каждой конфессии, а чистые остатки всех конфессий сольются в единую Церковь. Этим и объясняется то, что в последней книге моей трилогии "Рыцари былого и грядущего", где речь идет о временах Антихриста, последние православные монахи встречают последних рыцарей-тамплиеров, как своих. Монахи знают, что если бы тамплиеры были чужими, они ушли бы к Антихристу.

На днях прочитал повесть об Антихристе Владимира Соловьева и был поражен тем, что он пишет о том же самом. Антихрист, сам того не желая, соединит чистые остатки всех конфессий в единую Церковь. Впрочем, я совершенно не согласен с Соловьевым в том, что Католическая и Православная Церкви уже и сейчас внутренне едины, осталось лишь добиться внешнего единства. Меня удивило, что такой глубокий мыслитель с таким поразительным легкомыслием игнорирует наши догматические расхождения. Говоря о противоречиях между нашими Церквями, он вообще не упоминает о догматике, словно полагая ее суммой пустяков. Нет уж, батенька, до тех пор пока у нас нет абсолютного критерия отделения чистых от нечистых, мы вынуждены ориентироваться на чистоту догматики. Мы вынуждены считать каждого православного православным, до тех пор пока не доказано обратное, а каждого католика – еретиком, пока не доказано обратное. Хотя иногда так хочется доказать, что иной католик – отнюдь не еретик.

А вопрос о возможности спасения для иноверцев еще более сложен. Легко сказать, что без Христа спастись невозможно. Это так, но ведь, может быть, иные нехристиане – со Христом, даже если сами о том не подозревают. Почитав тексты некоторых суфиев, я был поражен их внутренней, глубинной православностью. Далеко не все православные так глубоко понимают свою веру, как эти суфии. Так и хочется сказать, что высокие истины веры были открыты этим суфиям Духом Святым. Остерегусь от однозначных заключений, но вопрос бесспорно возникает.

Мы, порою, рассуждаем слишком линейно и примитивно. Праведники дохристианской эпохи безусловно спасли свои души. Ведь тогда еще не было Христа, они в этом не виноваты. А вот теперь, когда Евангелие проповедано по всей земле, когда каждый имеет возможность принять Христа, без Христа спастись уже невозможно. А понимаем ли мы, о чем говорим? Мы, выросшие в православной стране, едва душа испытывает порыв к Богу, принимаем именно православие только потому что оно – рядом. А человек – выросший в исламской стране, где вся жизнь в мельчайших деталях строится на шариате? Он даже дышит по шариату. Да, конечно, этот человек слышал, что где-то рядом есть христиане, но что для него значит пойти к ним и стать одним из них? Это значит, отречься от своих родственников и стать для них предателем, отречься от своего народа, от многих поколений своих предков, отречься от своей культуры, от всех своих привычек, отречься фактически от самого себя, от своей личности, сформированной исламом. Возможно ли это? Да, возможно. Но это такой высокий подвиг веры, на который способен, может быть один человек из миллиона. Для обычного среднего человека это совершенно не посильно. А мы, обычные средние православные люди, отнюдь не совершившие ради православия такого подвига, высокомерно говорим мусульманам: "Ведь вы же имели возможность принять Христа. Вы сами не захотели. Вот и будете гореть в аду". Ну не бессовестно ли?

А представители диких африканских племен? Все они тоже будут гореть в аду только потому что в сотне миль от них жил христианский миссионер, и они имели возможность принять крещение? Вот если бы они жили две тысячи лет назад, когда миссионера не было, тогда некоторые африканские праведники могли бы спасти свои души, а теперь – фигурки. Халява кончилась.

Надо признать, что для нескольких миллиардов землян в наши дни возможность принять христианство является лишь формальной, фактически они этой возможности лишены, так же, как и люди, жившие до Христа. У иных эта вероятность может составлять лишь один шанс из тысячи. Неужели человеку гореть в аду, только потому, что он этим шансом не смог воспользоваться, хотя жил по закону совести? Наша православная совесть может принять такую версию? Если мы сделаем робкое предположение, что Христос предусмотрел для них некую возможность спасения души, не связанную с христианством? С самим-то Христом может быть и связанную, если эта возможность исходит от Него? Предположим, я сделал такое предположение. Надо ли меня на этом основании объявлять еретиком?

"Кому Церковь не Мать, тому и Бог не Отец". Я в этом твердо уверен. Я не сойду с этой точки зрения, потому что это было бы для меня полным мировоззренческим крахом. Но у меня возникают вопросы, связанные с радиусом действия этого утверждения. Оно явно в первую очередь касается еретиков и раскольников, которые покинули Церковь. Если в Церкви человек родился для духовной жизни, а потом покинул свою Мать, то неужели он думает, что Бог остался ему Отцом? Но если человек родился в Аравийской пустыне, ни когда не знал Церкви, но всегда искренне стремился к Богу, вам не кажется, что это другая история? Он ведь не враждует на Церковь, не предает ее, не отрицает. Он просто ее не знает. Ислам не учит любви, он учит покорности, а в сердце этого арабца живет любовь. Разве это в нем не от Бога? Иной мусульманин почему-то чувствует и дышит, как христианин, явно научившись этому не у ислама. Он не принадлежит Церкви, но рискнете ли вы однозначно утверждать, что в его сердце нет Бога?

Меня пугают эти мои мысли. Не поддаюсь ли я соблазнам ложного гуманизма, пытаюсь быть добрее Бога? Из этого соблазна выросло много ересей. Одни отрицают Ветхий Завет – на их вкус это слишком жестокая книжка, а Бог, дескать, не может быть таким жестоким. Другие говорят, что адские муки обязательно прекратятся, потому что иное противоречило бы милосердию. Третьи вообще считают, что ад – это такая метафора, а на самом деле после смерти всем будет хорошо. Нет, я не любитель распускать розовые слюни, я не берусь рассуждать о милосердии Божиим, и уж тем более не склонен создавать какие-то свои теории. Но ограниченные, высокомерные фанатики, твердо уверенные в том, что ни кто кроме них спастись не может, это тоже не моя кампания.

Итак, спасутся ли иноверцы? Да откуда же я знаю?

Хорошие люди без Бога?

Вот живет человек без Бога. Не враждует на Бога, нет, и к верующим относится уважительно, но сам и мысли не допускает, что Бог может существовать. Он вообще добрый человек, всем старается помочь и удружить и ни каких больших грехов не совершает даже без угрозы адских мук. Но по-нашему получается, что он будет гореть в аду.

Среди своих знакомых я мог бы назвать несколько таких людей. Я всегда знал, что любой из них по-человечески лучше меня. Мне требуется усилие для того, чтобы не злиться, не осуждать других людей, чтобы придти кому-то на помощь, и ох как не часто эти усилия приводят к надлежащим результатам. А они и без усилий гораздо добрее меня. Я всегда был довольно жесток, оправдывая себя тем, что этого требуют честность и справедливость. А они и честны, и справедливы, и жестокости в них нет.

Но я – с Богом, а они – без Бога. Они совершили свой вполне сознательный выбор – жить без Бога. Значит, я имею надежду на спасение души, а они такой надежды не имеют. Я еще может быть и попаду в Царство Небесное, а им гореть в аду со всей неизбежностью.

Вроде бы я все правильно излагаю? Но почему-то мое нравственное чувство ни как не может с этим смириться. Неужели нормальные добрые люди, которые прожили жизнь по совести, обречены на ад? Даже самое спокойное и не слишком мучительное место ада – это ведь все равно ад. Так ли это на самом деле? Может быть, мы ошибаемся? Неужели возможно не задавать себе этих вопросов? Неужели возможно вот просто так взять и удовлетвориться бесхитрым разъяснением батюшки относительно того, что неверующие попадут в ад?

Нет, я не спорю с Церковью, ни когда не спорил, и никогда не буду спорить. Не хватало мне ко всем моим грехам еще и ересь прибавить. И вообще я не склонен к ереси и не люблю суемудрия. Умники, у которых по каждому церковному вопросу есть свое мнение, выглядят в моих глазах весьма подозрительно. И все же... Хорошо ли это, спокойно и бестрепетно, а то еще и с глубоким внутренним удовлетворением, принимать то утверждение, что всем атеистам

уготован ад? Может быть, нас это даже радует? Тогда чего же стоит наша вера? Мы сами-то уверены, что мы на самом деле с Богом, если чье-то несчастье нас ни сколько не трогает, а то и вызывает злорадство?

Я много думал об этом, и мне кажется, что тут надо очень многое учитывать. Во-первых, стоит спросить, а можно ли вообще быть хорошим человеком без Бога? Все добро в этом мире от Бога, а без Бога-то какое может быть добро? Может быть, иной добряк-атеист только выглядит таким, а на самом деле у него в душе змеи ползают? Саму возможность существования атеистической нравственности можно поставить под большое сомнение. Если Бога нет, объясните мне, почему воровать не хорошо? Ведь это же очевиднейшим образом выгодно и полезно для того, кто ворует. И если Бога нет, то почему я должен думать о других больше, чем о себе? Атеистическая нравственность нелогична. Она не объясняет, почему человек не должен совершать дурных поступков. "Если Бога нет, то все позволено" – вот это как раз вполне логично.

Но если мы честно посмотрим вокруг себя, то заметим, что эта логика опровергаема опытом. Мы найдем не мало людей, которые на самом деле живут честно, хотя и не верят в Бога. Они вообще не думают о том, что это не логично. Они не воруют просто потому, что "воровать не хорошо". Звучит глупо, потому что ни на чем не основано, так и что? Ведь не воруют же. Иного верующего только страх перед Божьей карой и удерживает от воровства, даже с большим трудом удерживает, а рядом атеист не ворует безо всякого напряжения, и соблазна не испытывает, потому что имеет странное и крайне нелогичное отвращение к плохим поступкам. Он и жене не изменяет "потому что это не хорошо". И не мучайте вы его вопросом: "Почему не хорошо?" Он не ответит. Нехорошо и все. Глупо? Да. А человек-то честный.

Чтобы мы не говорили, а надо признать бесспорный факт: иные неверующие куда нравственнее иных верующих.

Эта нелогичность объясняется довольно просто. Божьи заповеди закрепляются в народе на уровне ментальности, они становятся национальной традицией. Потом значительная часть людей перестает верить в Бога, но остаются и ментальность, и традиции. И вот многие атеисты продолжают жить честно просто потому что "так принято". То есть православные предки продолжают оказывать большую услугу современным атеистам. Но как человек может остаться порядочным по одной только привычке, если ему Бог не помогает? Да в том-то все и дело, что помогает. Если бы Бог помогал только тем, кто верит в Него, этот мир не смог бы существовать. Бог не отвергает отвергающих Его, так же как и солнце греет одинаково и грешных, и праведных. Атеисты думают, что они без Бога, а Бог на самом деле с ними.

Вот отсюда и вытекает главная сложность в понимании этого вопроса. Если Бог продолжает заботиться о тех, кто в Него не верит, а они даже и без веры в основном соблюдают Божьи заповеди, тогда почему бы Ему и не взять их в Царство Небесное? Легко сказать: вы сами выбрали жизнь без Бога, как же Бог после смерти может взять вас к себе? Можно ведь ответить: а как же Он при жизни не оставляет своими заботами тех, кто Его не признает? Может быть, Он их и после смерти не оставит?

Как-то наш батюшка сказал: "После смерти верующие будут судимы по Закону Божьему, а неверующие – по закону совести". Вот то-то и оно. Нельзя судить людей по тому закону, которого они не знали. И над неверующими будут произнесены очень разные приговоры. Серийный убийца и воинствующий безбожник окажутся совсем не там, где добродушные и относительно нравственные атеисты. Но мы обычно понимаем это в том смысле, что и в аду могут быть самые страшные и не самые страшные места, а вопрос о том, может ли атеист попасть в рай, остается открытым.

Тут многое зависит от того, как понимать ад и рай. Отличаются ли принципиально самое лучшее место в аду и самое худшее место в раю? Может быть, там, как на шкале Цельсия: ад – это "минус", а рай – это "плюс"? Тогда понятно, что -1°C и $+1^{\circ}\text{C}$ – принципиально не отличаются, это почти одна и та же температура. Если так, то нравственное чувство успокаивается:

самые лучшие из атеистов будут помещены при -1° , а самые худшие из верующих при $+1^\circ$. Это без малого одни и те же условия.

Потом, думаю, нет, не может быть. Ведь в раю люди будут с Богом, а в аду – без Бога. Это принципиально, качественно, а не только количественно различные реальности, тут разница не в пару градусов. И опять – нет. Ведь даже в аду некоторое присутствие Божие все-таки сохранится, потому что совершенно без Бога даже ад не может существовать, так что качественного различия может и нет. Известно, что в Китае – тепло, а в Сибири – холодно, но на обоих берегах Амура, то есть в Южной Сибири и Северном Китае – примерно одна и та же температура. Может быть, самые приближенные к Богу области ада и самые удаленные от Бога областирая отличаются не более, чем Северный Китай и Южная Сибирь? Не знаю. Надо быть полным идиотом, чтобы считать себя знающим ответ на такой вопрос. Значит, на этом предположении ни какой уверенности не построить.

Еще тут важно понимать принципиальную разницу между нравственностью и духовностью. Высоконравственный человек может быть абсолютно бездуховным. А духовный человек далеко не всегда является эталоном нравственности. Духовность – это то, что связывает человека с Богом, это по сути религиозность, это порыв души к высшей силе мироздания. Атеисты лишены этого порыва, они бездуховны, даже если не совершают плохих поступков, то есть они принципиально ущербны, и то что их посмертная участь незавидна, тогда уже не кажется чем-то противоречащим милосердию и справедливости. У самых лучших атеистов души плоские, лишены третьего измерения, на что же им надеяться? Воздержанность от плохих поступков – далеко не все, что хочет от нас Бог. Бог зовет своих детей к Себе, а некоторые не идут. Разве это хорошие дети, даже если не воруют и не блудят? А вот "блудный сын", хоть и грешный, но все же пришел к отцу. Это же главное!

Но что значит "верующий"? Вера – это дар Божий. Почему Бог подарил мне веру, а другим – не подарил? Я заслужил? Нет. Я – лучше других? Сто раз нет. Я сплошь и рядом вижу, что люди, не имеющие веры, все же лучше меня. Так почему же Бог дал мне веру, а им – нет? Я понял. Потому что я хотел иметь веру, а они – нет. Каждый получил не то, что заслужил, а то, что хотел. Я очень хочу быть с Богом, хотя в моей жизни все соответствует поговорке: "Рад бы в рай, да грехи не пускают". А ведь у них и грехов меньше моего, но они к Богу не хотят, так за шиворот их что ли тащить? Какое же им тогда Царство Небесное, если они не хотят туда?

И все же... Что есть основа православной духовности? Любовь. Человека, который не умеет по-настоящему любить, нельзя назвать по-настоящему православным. И вот я вижу, что мои милые атеисты, кажется, и любить умеют лучше, чем я. Для них естественно то, что я насаждаю в своей душе искусственно и без большого успеха. Неужели получается, что эти атеисты православнее меня? Вот ведь ужас.

А мало ли случаев, когда человек приходит к вере в самом конце жизни? Булат Окуджава, например, крестился на смертном одре. Он прожил жизнь вне Церкви, но можно ли твердо быть уверенным, что он прожил жизнь без Бога? Ведь такую хорошую смерть Бог не каждому дарует, она не может быть итогом плохой жизни.

И вот смотрю я на иного атеиста и думаю: я – православный, то есть – правильный, а он – безбожник, то есть неправильный. А что если в конце жизни я утрачу веру, а он наоборот – приобретет? И предстанем мы пред Богом, он – православным, а я – безбожником.

Итак? Мы вернулись к тому, с чего начали. Я не знаю, может ли иной человек, отрицающий бытие Божие, все же попасть в Царство Небесное. Зачем же я поднял этот вопрос, если у меня нет ответа? Мне кажется, очень важен сам вопрос. Отнюдь не чувствую себя способным совершить "религиозное открытие", из такого желания родились все ереси, а я, может быть, в одном только и не грешен – к ереси склонности не имею. Но если мы терзаем себе душу, размышляя о судьбе хороших людей, вряд ли это может нашей душе повредить. Не торопитесь только выносить окончательные суждения.

Таинственный Мелхиседек

"Раньше люди верили во многих богов, а потом стали верить в Единого Бога. Непонятно, почему этот Единый Бог так долго нами не интересовался?" Мне не раз приходилось сталкиваться с такими суждениями, я находил их и в собственной голове, когда еще считал себя атеистом. В самом деле кажется странным, что Творец так долго Себя не открывал, и все народы земли исповедали многобожие, а потом вдруг неожиданно пришли к пониманию того, что надо молиться Единому Богу. При такой постановке вопроса, монотеизм выглядит выдуманным, изобретенным. Монотеизм как бы в большей степени отвечает потребностям человеческого сознания, когда оно переходит на новый уровень развития.

Что в этих мыслях не так? Не так самое главное. Нам вбили в голову, что политеизм первичен по отношению к монотеизму. Дескать, первобытные люди обожествляли силы природы, придумывая множество богов, а потом люди начали ставить перед собой вопросы все более сложные, в том числе и нравственные, и только тогда "придумали единого Бога". Это не правда. Реальная схема такая: сначала люди верили в единого Бога, потом о Нем забыли, а потом к Нему вернулись.

Понятно, что Адам и Ева были монотеистами. Они не были верующими. Они были знающими. Удостоившись прямого богообщения, они не имели возможности усомниться в существовании единого Бога. Их прямые потомки так же не имели необходимости верить, они знали о существовании Бога, потому что были знакомы с теми людьми, которые лично были знакомы с Богом.

Но поколение уходило за поколением, и монотеизм начал понемногу ослабевать. Из живого знания он для многих начал превращаться в абстрактную идею, в которую можно верить или не верить. Конечно, каждому религиозному человеку и тогда было открыто богообщение, так же как и в наши дни. Мы обращаемся к Богу, Бог обращается к нам, только надо услышать Его. Но это уже где-то в глубине души, это не громкий голос с неба, который слышат все и при всем желании не могут не слышать. Когда богообщение перестало быть прямым, многое начало зависеть от желания человека: хочу – слышу Бога, не хочу – не слышу и делаю вид, что Его нет, а потом уже и уверенность обретаю в том, что нет ни какого Бога.

Бог – строгий Отец, Он часто говорит нам то, что слушать неприятно. Он часто предлагает нам делать то, что нам совсем не хочется делать. Если Отец говорит: "Пойди туда и сделай то" – попробуй не послушаться. А если Отец говорит по телефону? Так и хочется сказать: "Не слышу. Связь плохая". А может быть лучше трубку не брать? А не лучше ли вообще сломать телефон? Так люди постепенно утратили связь с Богом. Ну и, как всегда в таких случаях бывает, ребенок, освободившись от обременительной заботы Отца, попадает под влияние дворовой шпаны. Так появился политеизм. Многочисленные боги-хулиганы сразу же предложили расшалившимся людишкам "бочку варенья и корзину печенья". Они потакали человеческим страстям, слабостям, самым низменным желаниям. С ними было весело. Пока не приходили страдания. Но связь между вчерашним весельем и сегодняшними страданиями еще надо устанавить. И сделать выводы. И изменить жизнь. А неохота. Монотеизм – штука очень трудная. Надо добровольно взять на себя тяжелые обязанности. Желающих становилось все меньше. Но! От Адама до потопа монотеизм ни когда не исчезал, и Ной это засвидетельствовал.

После потопа все началось сначала. Многобожников больше нет. Ни Ной, ни его близкие не могли сомневаться в существовании единого Бога, если Он спас их от потопа. Но монотеизм опять начал ослабевать, что не удивительно, если даже один из сыновей Ноя оказался хамом. Опять начал развиваться упрощенный, облегченный, куда более приятный вариант религиозности – многобожие, язычество.

Что было от Ноя до Авраама? Да ведь мы толком-то и не знаем. В Библии выдумок нет. Моисей ни чего не сочинял. Он рассказал то, что знал, а знал он далеко не все. Мы не имеем почти ни каких представлений о монотеизме до Авраама.

И вот тут у нас возникает соблазн сказать, что "Единого Бога придумал Авраам", а до этого ни какого монотеизма не существовало. Но это совершенно ни на чем не основанная гипотеза. Вообще, крайне наивно объявлять несуществующим то, о чем у нас нет информации. Это не научный подход. А у меня нет сомнений в том, что вера в единого Бога существовала непрерывно от Адама до Авраама, иногда ослабевая, иногда почти исчезая, но ни когда не исчезая полностью. Светильник Авраама лишь позволил вспыхнуть монотеизму новым пламенем, которое с тех пор ни когда не угасало, от которого по всей земле загорелось великое множество светильников, и об этом всем хорошо известно. Авраам, можно сказать, родоначальник "исторического монотеизма", то есть монотеизма исторической эпохи, периода человеческой истории, который довольно неплохо известен и запротоколирован. Монотеизм до Авраама – доисторический, поскольку не является объектом исследования исторической науки по причине отсутствия информации.

На чем же основана уверенность в существовании доисторического, доавраамического монотеизма? Ну, во-первых, эта уверенность не противоречит ни каким данным объективной науки. Во-вторых, мы исходим из того, что существование Творца есть факт вполне научный, а то что разумным творениям было известно о Творце, это как минимум, наиболее вероятно, а то, что это знание могло полностью исчезнуть – как раз наименее вероятно. Все люди до единого ни когда не могли полностью забыть о Боге, настолько значимая для системы информация не могла исчезнуть бесследно.

Но есть ли хотя бы косвенные намеки на существование доавраамического монотеизма? Есть! Авраам уже постиг Бога, уже открыл Его в своей душе, и Бог уже открылся ему, и Бог уже руководил им, и вся большая семья Авраама приняла это руководство, и вот Авраам встречает... Мелхиседека, священника Бога Высшего. Царя – священника. Удивительный факт! Авраам узнал о Боге не от Мелхиседека, и Мелхиседек узнал о Боге не от Авраама. Авраам еще пребывал в язычестве, а Мелхиседек уже служил Богу. И не в одиночестве он ему служил, поскольку был царем, так что и его подданные явно были поклонниками Бога Высшего. Вот подтверждение того, что монотеизм существовал до Авраама и независимо от Авраама.

А откуда сам Мелхиседек узнал о Боге? А не известно. Вполне логично предположить, что от своего предшественника, такого же царя – священника. Возможно, Ноя и Мелхиседека связывает непрерывная цепочка богознания. Вряд ли Мелхиседек был таким же богоискателем, как Авраам. Авраам – религиозный гений, такие люди по два в одну эпоху не рождаются, в этом просто нет необходимости, а Бог бессмыслицы не творит. По всему похоже, что Мелхиседек – наследник традиции доавраамического монотеизма. Один из наследников. Сколько их еще было, о ком мы ни чего не знаем? Да ведь и про Мелхиседека мы не знаем ни чего. На страницах Библии он появляется ни откуда и исчезает в никуда. По каким-то причинам ему не суждено было стать родоначальником исторического монотеизма. Цари того времени правили очень небольшим количеством подданных. Может быть, подданные Мелхиседека вскоре все погибли в одной из бесчисленных войн или каким-то образом были рассеяны и уже не могли передавать свою традицию дальше? И в это самое время Бог "воздвиг Авраама", который зажжет новый светильник, когда еще горел старый, которому уже не долго было гореть.

То, о чем мы говорим, основано на свидетельстве Библии. Конечно, могут спросить, откуда у нас такая уверенность, что эта книга отражает объективную реальность? Есть у нас доказательства того, что там написана правда? А мне хотелось бы спросить: "А у вас есть доказательства того, что параллельные прямые ни когда не пересекутся?" Вы уже видите, как лукавые уста рационалиста расплываются в снисходительной улыбке: "Ну это ж аксиома, она не требует доказательств". Во как! Наука всегда и все требует доказывать, но в науке всегда

и неизбежно существуют такие утверждения, которые принципиально невозможно доказать, которые приходится принимать без доказательств, иначе ни какой дальнейший процесс доказывания невозможен. Это аксиомы. В религии так же, как и в науке существуют аксиомы. То, что в Библии написана правда – это наша аксиома. Если мы не примем ее без доказательств, ни какой дальнейший процесс доказывания не будет возможен. А теперь попробуйте сказать, что это не научный подход.

Жестокость Ветхого Завета

Многие верующие, решив наконец прочитать Ветхий Завет, испытывают шок, как минимум – замешательство. Настолько здесь все не похоже на Новый Завет. Прежде всего поражает жестокость. И не человеческая жестокость, а жестокость Бога (Господи, прости).

Достаточно вспомнить, что произошло после того, как евреи воздвигли золотого тельца. Бог повелел Моисею уничтожить всех вероотступников, ставших на путь идолопоклонства. Воины Иисуса Навина вырезали три тысячи человек своих. Еще вчера они делили с ними горе и радость, а сейчас они их резали, резали, резали. Не дрогнули. Выполнили свою работу. Что было в душе у воинов Иисуса Навина? Вот ведь вопрос.

В истории вообще не много примеров такой резни. Но вот эта резня была совершена по прямому приказу Бога. То что идет напрямую от Бога, является абсолютным благом. Так вот спросите себя, в состоянии ли вы признать абсолютным благом одновременное убийство трех тысяч человек? Не в состоянии? Тогда у вас два выхода. Либо вы встаете на путь отрицания Бога, заявляя, что нам такой бесчеловечный Бог не нужен, либо вы отрицаете, что эта резня была совершена по Божьей воле. Но тогда вы встаете на путь отрицания Библии. А поскольку для православных вся Библия целиком есть Священное Писание, то отрицая Библию, вы перестаете быть православным. Вам предстоит совершить страшный выбор.

А ведь были православные, которые не выдерживали необходимости сделать этот выбор. Жил в начале XX века хороший православный человек – князь Николай Жевахов. Князь был человеком глубоко церковным и как мог старался служить Церкви. Его трудами, например, был канонизирован святитель Иоасаф Белгородский. Или, было дело, ездил князь по фронтам первой мировой с чудотворной иконой – своего рода духовный подвиг. Но вот жестокость Ветхого Завета ни как его душа не принимала. Думал, думал князь и пришел к выводу, что Бог Ветхого Завета – на самом деле Сатана. С этого момента князь перестал быть православным, хотя, похоже, не многие это заметили. И сам князь продолжал считать себя из православных православным. И доныне его книги издают православные издательства.

Не могу я этого понять. Православие нельзя принимать по частям, выбирая только те фрагменты, которые понравились. Его можно или целиком принять, или целиком отвергнуть. Ведь в данном случае речь идет не о частном богословском мнении, на какие и ваш покорный слуга весьма горазд. Речь идет о самих основах нашей веры – о Священном Писании. Ведь если отцы Церкви считают Ветхий Завет неотъемлемой частью Священного Писания, а ты считаешь, что Бог Ветхого Завета – Сатана, тогда ты считаешь всех святых отцов сатанистами. Ну тогда иди на фиг, создавай свою церковь, как же ты можешь оставаться среди православных?

Вообще, если ты делаешь вывод, надо здраво оценивать его последствия. Ведь тогда получается, что Авраам, Исаак и Иаков поклонялись Сатане. И царь Давид, и пророк Исайя тоже сатанисты. И 10 заповедей – от Сатаны. А Христос, который не раз выражал почтительное отношение к ветхозаветному закону? До каких страшных кошунств должен был дойти православный князь Жевахов, если бы стал развивать свою мысль? Да не поддадимся этому соблазну.

И сейчас для многих православных чтение Ветхого Завета является тяжелым испытанием. Но это испытание надо пройти. Надо помнить: тот кто отрицает Ветхий Завет, уже не является православным. Тут, собственно, речь идет о том, что мы всегда должны принимать

волю Божию, насколько бы страшной и непонятной она нам не казалась. Как Авраам готов был принести в жертву Богу сына, так мы должны быть готовы принести в жертву Богу весь свой "гуманизм". Лучше непонятное оставить непонятным, но не становиться на путь отрицания. Или постараться понять.

Что можно сказать по поводу той резни, которую устроил религиозный спецназ Иисуса Навина? Во-первых то, что в разные эпохи у разных народов планка жестокости может быть установлена на очень разной высоте. То что нам сегодня кажется крайней степенью изуверства, тогда могло восприниматься, как нечто вполне обычное. Наши православные предки пороли детей до крови иногда даже без большой вины, скорее для профилактики. А мы уже не станем. Но неужели вы думаете, что мы хоть чуть-чуть добрее своих предков, что в наших сердцах больше любви к своим детям? Да ни чуть не бывало. Просто изменились представления о допустимом.

Или то, что современному чечену кажется нормой, нам представляется садизмом. Но чечен, отрезающий уши поверженным врагам, а потом делающий гирлянды из ушей, отнюдь не садист. Просто у него древние представления о допустимой степени жестокости. Древность крови не боялась. И доньше для чечена разделка человеческого трупа ни чем принципиально не отличается от разделки барана.

Так вот эпоха Моисея была очень жестокой. Тогда не повергало в ужас то, что повергает в ужас нас. Чем собственно была эта резня? Люди совершили тяжкое преступление и понесли заслуженное наказание. Нас это ужасает, но современников это, вполне возможно, ни сколько не ужаснуло. Все по правилам.

Конечно, жестокостью эпохи можно объяснить действия Иисуса Навина и его ребят, но не саму Божью волю. Это наши представления о допустимой жестокости меняются со временем, а ведь Божьи представления неизменны. Это Бог так решил, а не Навин. Но дело в том, что Бог говорит с людьми на том языке, который им понятен. Бог не обращается к нам на языке древних и уж тем более Он не обращался к древним на нашем языке. Так вот в ту эпоху люди ни какого языка, кроме языка массовой резни просто не поняли бы. Они не смогли бы по-настоящему прочувствовать ситуацию, не сделали бы надлежащих выводов. Они понимали только язык силы. Они просто не в состоянии были следовать за Богом, который не карает отступников со всей беспощадностью.

Знаете почему это еще не укладывается у нас в голове? Вина иудеев, воздвигших золотого тельца, не кажется нам слишком большой. Мы признаем, что она была достойна наказания, но не такого же сурового. Вот если бы те иудеи пожирали младенцев, в наших сердцах ровным счетом ни чего не дрогнуло бы от известия, что они были поголовно истреблены. Мы тоже умеем быть жестокими и еще куда более жестокими, чем древние, но по другим поводам. А тут – всего лишь изменение религии. Наша либеральная эпоха разводит руками: ну не убивать же за это.

А вот тогда люди прекрасно понимали, что любое преступление – пустяк, по сравнению с отречением от Бога. Поэтому они понимали смысл Божьей воли. Евреи были тогда единственным на земле народом, знавшим Бога истинного. Если бы они утратили веру в Него, в существовании человечества уже не было бы ни какого смысла. И нам ведь смерть трех тысяч человек не показалась бы слишком большой жертвой, если бы мы понимали, что речь идет о спасении планеты. А ведь тогда вопрос стоял именно так. Речь, мне кажется, тогда даже не шла о наказании вероотступников, а о спасении народа. Вероотступники – духовно-прокаженные, если бы Бог не изъясил их из среды народа, то погиб бы весь народ. Духовно погиб, зараженный идолопоклонством. А ведь Бог для того и создал этот народ, чтобы он хранил веру в Него. Без этой веры в евреях не было ни какого смысла, а без евреев на тот момент не было смысла в человечестве.

Если бы мы только понимали, что важнее религии нет ни чего на свете, тогда ни какое, даже самое суровое "оперативное вмешательство" Бога не показалось бы нам слишком жестоким.

Безрелигиозный мир пропитан страхом смерти. Физической смерти. С высоких трибун нам вещают: "Человеческая жизнь – высшая ценность". Звучит вроде бы красиво, а по существу – ложь. Дело в том, что под словом "жизнь" здесь понимается продолжительность земной жизни. А ведь она на самом деле не так уж много значит. Какая разница, прожить 50 лет или 100? Гораздо важнее, куда отправится душа после смерти. Спасение души – высшая ценность. Либо мы так считаем, либо мы не имеем права считать себя православными.

И вот теперь посмотрите под этим углом зрения на ту ситуацию. Те три тысячи человек уже погубили свои души. Люди могли тогда в этом сомневаться, но Бог об этом знал. В продолжении физической жизни этих людей уже не было ни малейшего смысла. При этом, если бы оставить их в живых, то погубили бы души еще десятки тысяч, а в перспективе – миллионы людей. Уже не спрашиваю, допустимо ли было прервать эти три тысячи жизней. Спрошу: допустимо ли было не прервать их?

Все-таки слишком сурово звучит? Но православие – религия реализма. Православный человек должен смотреть правде в глаза. И принять эту правду, какой бы страшной она не была. Реализм – вообще очень суровая штука. Не замечали?

Почему Бог не открыл себя всем?

Недавно в душу мне закралась тоскливая, жалобная мысль: "Почему Бог не захотел открыть Себя явно для всех? Мы столько мучаемся с вопросами веры, выстраиваем какие-то концепции, спорим до хрипоты о том, существует ли Бог, и все равно ни в чем не можем друг друга убедить. А вот если бы Бог обратился разом ко всем людям, так что бы у нас не было возможности усомниться в том, что к нам обращается Бог. Если бы у каждого человека было прямое и непосредственное знание о бытии Божиим – насколько бы легче жилось. Сам Бог может дать нам вполне эмпирические доказательства Своего бытия. Сам Бог мог бы напрямую сообщить нам, что истина – в православии, а представители остальных религий заблуждаются. Как было бы замечательно, если бы утром, включив радио, мы слышали: "Передаем Божью волю..."

Кажется, ко мне пришло очередное искушение. Такие вопросы очень опасны, они – от лукавого. Надо просто сказать себе: "Если Бог не открыл Себя всем, значит такова Его воля, а Его воля всегда направлена нам на благо, то есть нам так лучше, а почему именно – нам это может быть вообще не дано понять". И это правильный ответ. Честное слово, я ни секунды не сомневаюсь в том, что этот ответ совершенно правильный. Почему же я принимаю вызов, брошенный мне этим вопросом? Потому что Бог дал мне разум. Слабый разум, но на что-то все же способный. Разум – это дар Божий. Если Бог дал мне его, значит Он хочет, чтобы я думал. Не грех ли пренебрегать своей способностью к мышлению, презирать ее? Говорят, что знания еще ни кого на Небо не подняли. Это так. Но и невежество само по себе еще пока ни кого не спасло. Верить в Бога – не значит отказаться от разума. Это значит – поставить свой разум на службу Богу. Это значит не злоупотреблять разумом. Разум – это ключ, который может открывать прямо противоположные двери. Для кого-то он откроет двери в рай, а для кого-то – в ад. Если в вашем доме ко всем дверям подходит один ключ, при этом есть дверь, открывать которую не стоит, это еще не повод выбросить ключ на помойку.

О чем мы говорим, если Божий замысел все равно для нас не постижим? Мы говорим о том, чтобы постичь Божий замысел ровно настолько, насколько это возможно.

Итак, по существу вопроса: почему Бог не действует в истории открыто? Первым, что я в этой связи вспомнил, было ленинское высказывание: "К правящей партии примажутся даже те,

кому место на виселице". Истинно так. Если ни один человек уже не будет иметь возможности усомниться в том, что миром правит Бог, какое огромное количество негодяев объявит себя убежденными христианами! Они перейдут не на сторону добра, а на сторону силы. Сегодня для всех очевидно, что христианство – это идеология добра, а то, что это идеология силы – далеко не для всех очевидно, хотя и это тоже так. Ну так вот и пусть сила Бога остается не для всех очевидной, пусть к Богу приходят в поисках добра, а не в поисках силы.

В нашем мире невыгодно верить в Бога. К Богу люди приходят отнюдь не из стремления к выгоде. А если Бог будет для всех открыт? Тогда всем станет ясно, что служить Богу – дело невероятно выгодное. Все миллиардеры мира не смогут дать вам того, что может дать Бог. И люди начнут служить Богу из выгоды. А это очень скверно.

Знаете расхожий сюжет о том, как богач познакомился с девушкой и скрывает, что он – богач. Он хочет, чтобы она любила его ради него самого, ради его личных качеств, а не ради богатства. И если она оценит его, как личность, тогда получит и богатство, но только тогда, а не раньше.

Не так ли поступает и Бог? В этом мире "партия Бога" отнюдь не является правящей, даже само существование Бога для многих – далеко не факт. Станет ли человек, который во всем ищет только своей выгоды, служить тому, кого может и нет? Ну вот и хорошо, что не станет. Даже Христос, когда ходил по земле, не торопился открывать апостолам, что Он – Сын Божий. За Владыкой мира был бы вынужден последовать весь мир, а вот последовать за нищим готовы не многие, к этому не побуждают ни страх, ни выгода, к этому может побудить только любовь, подымавшаяся до уровня высочайшего самоотречения.

Дело даже не в том, что за Богом, явившим свою силу, ринутся негодяи, они перемешаются с людьми, которые любят Бога бескорыстно, и их потом будет трудно отличить. Это как раз не проблема, Бог всех видит насквозь, и для Него очевидна разница между негодяем наемником и искренним служителем. Дело в том, что если бы Бог открыл себя всем, это ограничило бы нашу свободу.

Если человека поставить перед неоспоримым фактом непобедимой силы, а потом сказать ему: сам решай, хочешь ты пойти за этой силой или нет, вам не кажется, что свобода выбора в этом случае будет носить уже несколько формальный характер? Свобода таким образом не устраняется, но она существенно ограничивается. Очень не многие люди, встав перед фактом силы, способны сделать по-настоящему свободный выбор. Следование за силой, даже если она вас ни к чему не принуждает, всегда до определенной степени принудительно, вынужденно. Мне кажется, это самая главная причина, по которой Бог не открывает Себя людям. Если человек не свободен или его свобода ограничена, в существовании человека уже нет ни какого смысла. Мы еще дойдем до вопроса, почему так важна свобода, пока скажу лишь, что когда я понял, что в данном случае речь идет о свободе – у меня от души отлегло. Вопрос, только что казавшийся таким тягостным, таким мучительным и непонятным, сразу же стал простым и ясным, как Божий день.

Ну конечно же! Все просто! Ведь Бог многих людей удостаивал прямого богообщения. Но эти святые люди уже сделали свой выбор, и этот выбор на тот момент уже видимо имел необратимый характер. Выбор этот совершался порою в условиях богооставленности, когда Бог вдруг неожиданно переставал помогать человеку, и если человек все-таки продолжал идти за "непомогающим" Богом, его выбор был воистину свободен, и тогда Бог мог уже обратиться к человеку и напрямую, и через ангела, и через явление давно умерших святых, или показывая картины рая.

Дело не в том, что прямое богообщение надо еще заслужить. Мы ни когда и ни чего не сможем заслужить. Дело в том, что прямое богообщение при среднем уровне духовного развития человека просто опасно. Оно убьет его душу, а отнюдь не оживит. Не укрепит волю,

а вызовет паралич воли. Если завтра Бог начнет обращаться к нам по радио, свободные люди превратятся в рабов. И тогда наша жизнь утратит смысл.

Почему Бог не уничтожит зло?

Однажды один старый безбожник в личной беседе рассказал мне о своей эволюции: "Когда я был маленький – любил Бога. "Отче наш", "Символ веры", все что положено наизусть знал. А теперь не люблю Бога! Думаю, если бы Бог существовал – мы бы так не жили".

Он явно не замечал кричащего противоречия своей позиции. Было не понятно, он не любит Бога, или отрицает Его существование? Как можно не любить того, кого нет? Ни кто ведь не станет говорить, что не любит инопланетян, если уверен, что их не существует. Но с Богом у безбожников иные отношения. Они говорят, что Его нет и все же продолжают предъявлять ему претензии. И вот это самая большая претензия безбожников к Богу: то, что мы так плохо живем, то что в нашем мире столько зла. Они спрашивают: "Почему Бог не уничтожит зло?"

Это очень реальный вопрос. Это, пожалуй, самый главный вопрос религии. Бог всесилен, так почему же Он не уничтожит зло? Что Ему стоило устранить все проявления зла из нашего мира? Он мог бы сделать так, чтобы люди были не способны на зло, ни кто бы ни кого не обижал, и все мы были бы счастливы.

Так? Не так. Если бы Бог Своим волевым решением сделал нас не способными на зло, мы не были бы счастливы, потому что это были бы уже не мы. Мы бы даже не знали, что такое счастье.

Начнем с начала. Для чего Бог создал людей? Для того, чтобы любить нас, и чтобы мы любили Его и друг друга. Бог создал человека для любви. Но надо ли объяснять, что любовь – чувство добровольное. Настоящую любовь может испытывать только свободный человек, то есть существо, наделенное способностью к свободному выбору. Представьте себе, что юноша полюбил девушку и хочет, чтобы девушка тоже его полюбила. Он, конечно, хочет, чтобы она любила его добровольно, чтобы выбрала его сама, совершенно свободно, без принуждения. Любой человек прекрасно понимает, что по принуждению любви не бывает. "Насильно мил не будешь". Но вот не любит она его, и хоть ты тресни. Предположим, юноша с горя побежит к какому-нибудь магу, колдуну, экстрасенсу и попросит: "Сделай так, чтобы она меня любила. Загипнотизируй, запрограммируй на любовь ко мне, чтобы это уже не зависело от ее желания". Представим себе, что его желание исполнено, девушка сама к нему прибежала и бросилась на шею. Думаю, любому понятно, что юноша от ее "любви" через неделю с ума сойдет. Не порадует такая "любовь", ведь это чувство – не настоящее, искусственное, навязанное. Если точнее – чувства-то ни какого и нет, есть только внешние его проявления, а они ни чего не значат, если не вызваны внутренним состоянием. Это ведь понятно? Но на самом деле все еще хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.